

ДВЕРИ

**Рассказы «контактовцев»,
не вошедшие
в «Кузнецкую крепость»**

**Новокузнецк
2018**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

ДВЕРИ

Рассказы «контактовцев», не вошедшие в «Кузнецкую крепость»

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2018

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Д 23

Двери : рассказы «контактовцев», не вошедшие в «Кузнецкую крепость» / сост. – Калашников Н.Н. – Новокузнецк : «Ник без страни», 2018. – 88 с.

16+

От составителя

В начале 2017 года, когда начинал собираться материал для альманаха «Кузнецкая крепость», я принёс редактору альманаха Василию Галактионову материалы «контактовцев». Принёс на выбор – достаточное количество рассказов. Один из этих рассказов «Удалённый контакт» Юры Соколова очень понравился редактору, и он сказал, что обязательно поставит его, хотя он и был самым большим по объёму. И ещё о трёх авторах я с ним договорился. Итого – я жду четыре рассказа «контактовцев» в новом альманахе. В 2017 году «Кузнецкая крепость» так и не вышла: администрация ещё несколько лет назад сняла альманах с бюджета (как раз тогда, когда Новокузнецкий журнал стал вполне конкурентен областному), спонсоров в нашем городе, имеющем несколько десятков миллионеров (и даже, по слухам, одного миллиардера) не нашлось. В этом году с трудом наскребли денег на издание журнала – тиражом аж 50 экземпляров. Не всем авторам, вошедшим в альманах, его и хватило.

Но, когда я пролистал журнал, меня ждало ещё большее разочарование. Ни одного из рассказов, принятых редактором, в журнале не обнаружилось. Чем уж руководствовался редактор, выкидывая принятые к печати рассказы из журнала: тем, что кто-то был более настойчив, или Василий решил в год 400-летия города не рисковать и не ставить фантастику в журнал, – не знаю. Да и не особенно это важно. Просто я еще раз понял, что связываться с официозом нам не след. Всё делать надо самим, как мы и делали до сих пор.

Так что в этом сборничке все те рассказы, которые я приносил для «Кузнецкой крепости». Их оказалось шестнадцать. На мой взгляд, все эти рассказы – хорошая проза. Не хорошая фантастика, хотя и это присутствует, но – хорошая проза. И практически все рассказы – о нашем времени, о современных проблемах, фантастика просто помогает лучше эти проблемы увидеть и понять. Даже прошлое в рассказе Анны Чернышевой, будущее в рассказах Ольги Белоусовой, Евгения Грепа и Петра Бурмина или условность «плоского мира» в рассказе Александра Головкина – помогают более выпукло увидеть проблемы современности.

Тираж у сборничков издательства «Ник без Сопрані» такой же, как у нынешнего альманаха «Кузнецкая крепость» Вот пусть читатель и решает: хуже ли эти рассказы «контактовцев», чем те, которые вошли в альманах.

Юрий СОКОЛОВ

Удалённый контакт

Совершенно обессиленный, он сидел на скамейке в пустом ночном парке, когда чудовище снова подало голос.

– Батарея основного аккумулятора разряжена. Пожалуйста, зарядите батарею или вставьте другой аккумулятор.

Сначала Костя не обратил внимания – привык. Энергия на исходе? Значит, скоро сдохнешь, сволочь... Сдохнешь, и всё кончится. Весь этот кошмар, растянутый на полтора месяца. А потом вспомнил разговор с отцом Алексием полгода назад. Он ещё не вполне освоился с только что купленным сотовым телефоном – обычным, а не тем нереальным монстром, который сейчас лежал у него в кармане под видом телефона. Так уж получилось, что Костя, человек весьма далёкий от компьютеров и всего, что с ними связано, увлёкся изучением возможностей современной техники. Ну, а раз уж решил приобрести крутой компьютер, то нужен и крутой мобильник с интернетом, МП-3 плеером и прочими наворотами.

– Не забывайте заряжать свой телефон, Константин, – сказал тогда отец Алексей. Моложе Кости на четыре года, он почему-то предпочитал называть его полным именем. Костя отвечал ему тем же, величая «отцом Алексием», хотя для всех знакомых этот молодой общительный священник был просто Алёшей или даже Лёхой. Но Костя, познакомившийся с ним по наводке друга, как с человеком, разбирающимся и в компьютерах, и в программном обеспечении, стеснялся звать его так.

– Я всегда заряжаю... – ответил он.

– Так и продолжайте. Это не ваш простенький «Нокиа», – священник ткнул пальцем в старый Костин телефон, лежащий на столе. – Эта машинка устроена посложнее. Нельзя доводить дело до полной разрядки аккумулятора, иначе можно потерять данные.

– Какие именно?

– Несохранные. Или другие какие... А можно и всё потерять.

Сейчас память сама собой вытолкнула полузабытый разговор в сознание.

Костя резко разогнулся, упершись в сиденье скамейки обеими руками. Потом вскочил на ноги. Все данные... Все данные!!!

То есть, и телефонную книгу.

И неизвестно, что ещё.

А это значит ...

– Батарея основного аккумулятора разряжена, – сказала чудовище. – Пожалуйста, зарядите батарею или вставьте другой аккумулятор.

– Господи, господи, господи... Господи! – он уже почти кричал, а трясушая правая рука лихорадочно расстегивала нагрудный карман рубашки. – Господи, он же всех убьёт, эта мразь их всех убьёт! Этог... Эта... Это...

За два года до того, как к нему попало «это», Костя устроился на работу в гостиничный комплекс Теплова. К авторемонтной мастерской здесь примыкала огромная открытая стоянка для машин, и даже имелся подземный гараж. Номера в трёхэтажной, только что построенной гостинице, расположенной рядом, предназначались постояльцам, решившим прервать своё путешествие по трассе на ночь или остановиться на несколько дней; здесь же Теплов устроил кафе-столовую для водителей. С кафе у дороги он и начал дело. Но роскошное сооружение сегодняшнего дня с первоначальной забегаловкой было не сравнить. Заскакивали перекусить дальнобойщики, обедали постояльцы гостиницы, которые по своим причинам решали задержаться на полпути «между чем-то и ничем», как в шутку говорили между собой сотрудники комплекса. Город находился всего в десяти километрах, но городскую суету любят не все. А здесь лесок, ручеёк... Озерко. В своё время Теплов не поленился его зарыбить и устроил на берегу что-то вроде кемпинга или крохотной базы отдыха с размеченными участками под палатки, несколькими деревянными коттеджами, баней и шашлычной. Не устраивает гостиница – пожалуйте сюда. Тот же вежливый и расторопный персонал, да и девочки по вызову те же самые. Но обстановка уже иная. И вскоре в комплекс стали не просто заворачивать попутно, а специально приезжать из города.

Служащие Теплова питались в его же столовой. Понятно, где же ещё? Зачем таскать бутерброды из дому... Для своих Теплов делал сногшибательную скидку. И платить не надо, просто высчитают из зарплаты, вот и все дела. Костя любил хорошо покушать, следственно, любил и столовую. И ещё тут работала Леночка. Для всех – Леночка, а для него – Лена. В том случае, когда он находил в себе смелость к ней обратиться.

Проклятая его стеснительность! Вроде, нечего стесняться. Взрослый мужчина двадцати восьми лет, спортивного, как принято говорить, телосложения. Рожей правда не вышел. Но и не урод ведь, в самом деле! Обычное лицо.

А Леночка была настоящей красавицей. Не просто красивой девчонкой, а такой, что дух захватывало. Официанткой она просто временно устроилась, не желая сидеть на шее у родителей. Училась в институте. Девятнадцать лет...

Костя понимал, что тут ему ничего не светит. Не в том даже дело, что он не похож на кинозвезду. Просто такая девушка может выбирать любого. А он что? Холостяк под тридцать, и ничего за душой, кроме однокомнатной квартиры. Ни профессии нормальной, ни образования, ни перспектив на будущее. Работа – переставлять машины с места на место в гараже, загонять на стоянку или подать авто к гостиничному входу. В мастерской загнать

колымагу на яму, если сам водитель-новичок боится промазать... Механики-то в «Мерс» не сядут, у них руки по жизни в масле. Ну и что это за профессия? Мог бы работать в такси, но в городе, в толкучке, где требуется хорошая реакция, Костя быстро уставал и терялся. На трассе – другое дело. Здесь, на стоянке мог лихо подкатить на скорости, и с одного раза сунуть очередную машину в любую дырку между двумя другими, не задев их при этом. Тоже талант, но недостаточно яркий для того, чтобы стать миллионером.

Забыть бы ему при подобном раскладе о Леночке, да он не мог. Эх, будь у него денег, как у Теплова... Или хоть набраться храбрости и пригласить её в кино, выдавив из себя больше, чем обычное «привет – пока». Вдруг согласится. И если откажет – ничего страшного. Или пригласить в парк, на свою любимую скамейку. Хорошая скамейка. Солнце на неё никогда не светит прямо. Спокойно отдыхаешь, дышишь свежим воздухом. Думаешь... Немного мечтаешь.

Отметив очередной день рождения, он всерьёз решил, что жизнь надо менять. Не годится так. Стыдно жить не зная зачем. Стыдно опускать глаза перед Министром, когда тот смерит его своим каменным взглядом...

На таком жизненном фоне он и заинтересовался компьютерами. Сидели у Дениса, пили пиво, к хозяину зашёл знакомый. Разговор между ним и Денисом пошёл такой, что Костя перестал их понимать уже на второй фразе. Когда приятель ушёл, Костя внутренне возмутился. Да почему он всегда должен ощущать свою неполноценность? Компьютер сегодня каждый ребёнок знает.

– Слушай, Дэн, – сказал он. – Объяснил бы ты мне все по-простому. Или покажи наглядно...

Денис с охотой показывал и рассказывал. В следующее воскресенье Костя пришел к нему опять, и они провели за компьютерным столом целый день.

– Ну и что ещё может эта штука, кроме как в игрушки играть? – спросил Костя, откидываясь на спинку стула.

Денис аж глаза выпучил.

– Что? Да всё на свете!!! Игры – это так, для души... Тут такое можно делать!..

– Тогда объясняй дальше. Хочу освоить компьютер. По-настоящему. А то я чувствую, что совсем отстал от жизни.

– Я давно тебе говорил! Ты в двадцать первом веке живёшь, а не в каменном. Надо же хоть немного интересоваться достижениями науки? А ты... Ты просто тундра. Хоть бы телефон себе купил нормальный. Сколько будешь ходить со своим «кирпичом»? С цветным экраном возьми. С интернетом. С камерой. С...

– Ну хватит, хватит, – рассмеялся Костя. – Сейчас наговоришь. Давай по делу. А телефон сам и pomoжешь мне выбрать в следующий выходной... Ничего не знаю! Тебе не может быть некогда! Я что, так уж часто тебя прошу об услугах? Пиво, понятно, с меня.

Телефон они купили. Все вечера Костя теперь проводил у Дениса.

– Слушай, а деньги в Интернете реально заработать? – интересовался он.

– Почему нет? Люди зарабатывают. Надо знать, как.

– А ну, рассказывай!

– Да я откуда знаю? Так, варианты разные...

– Рассказывай варианты!

Денис же и познакомил Костю с отцом Алексием.

– Вот человек! Настоящий колдун. Всё знает, ну и комп у него получше, чем мой... раза в два. Ты не смотри, что он священник. Нормальный парень.

Очень быстро Костя понял, что ему нужен свой компьютер. Невозможно всё время бегать по знакомым. Сразу встал денежный вопрос, ибо хорошее «железо» стоило недешево. Сперва он пытался откладывать, собирая нужную сумму, но, произведя простой подсчёт, сообразил, что так может копить до «второго пришествия Господня», как выражался отец Алексей.

– Да вы купите для начала простенький, – посоветовал священник. – Или бэушный. В комиссионке.

– Не пойдёт. Мне уже возможностей Денисова компьютера мало. Ваш ещё туда-сюда, но скоро и такого мало будет. Я ведь быстро осваиваю то, за что берусь.

– Тогда возьмите кредит.

– Кто мне даст? У нас почти вся зарплата идет чёрной наличкой. Только под залог квартиры...

Но рисковать квартирой Косте не хотелось. Мало ли что. Квартира осталась от матери, другую ему никогда не купить. Подумав, он стиснул зубы и обратился за помощью к Министру.

Официально Министр занимал должность начальника охраны в комплексе Теплова. На самом же деле он и его охранники чёрт знает чем занимались. Проработав рядом с ними два года, Костя наслушался разных сплетен, а кое-что заметил сам. Поговаривали, что некоторые машины, которые в мастерскую загоняли якобы на ремонт, на самом деле числятся в угоне. Иначе для чего подземный гараж там, где земля ничего не стоит? Ясно – чтобы ворованные тачки на глазах не маячили. С ними что-то делали четверо механиков, работавшие внутри коллектива особнячком, потом автомобили перекрашивали, и они исчезали.

Те же механики без конца правили вечно помятую машину Министра – одну из его машин. Костя поначалу думал, что Министр – самый плохой водитель, которого он знал. То в дверце вмятина, то надо клеить бампер, то выдавлена фара... Потом он прислушался, что говорят вокруг, и понял. Министр, работая в тесном контакте со своими ребятами, специально подставлялся под чужие иномарки, делая так, чтобы в аварии оказывались виновны владельцы иномарок. Выбирали тех, кто казался неопытнее. Предлагали решить вопрос на месте, и завышали в несколько раз стоимость нанесённого ущерба. Забирали деньги, а механики к утру делали

машину Министра почти новой. Постепенно Костя понял, что в бизнесе Министра завязана не только охрана, но и сам Теплов. И, скорее всего, сам бизнес не министерский, а тепловский. Косте один раз пришлось загонять в гараж «Крузер», в дверце которого была аккуратная дырка, похожая на след от пули. Не будучи экспертом-криминалистом, в армии Костя всё же служил, и в Чечне повидал до чёрта простреленных машин. Во второй раз на сиденье BMW он заметил пятна, очень напоминавшие засохшую кровь. И все знали, что у Министра есть деньги – много денег.

Министр, в ответ на просьбу Кости «одолжить», оглядел его с головы до ног.

– Добро... Парень ты неплохой. Не колешься, не алкаш. Но вернёшь с надбавкой. Не дрейфь, я накину по-божески. И чтоб отдал в срок.

– Да мне бы знаешь, лучше постепенно. Сразу вряд ли соберу.

– Как хочешь, мне без разницы. Но тогда график не нарушай, аккуратно каждый месяц... В случае просрочки будешь иметь дело с Котлетой, – Министр кивнул на своего заместителя – громадного мужика с изуродованным лицом. – Знаешь, почему его так зовут? В светлой юности, в пьяной драке его едва не превратили в котлету. Потому и лицо такое. Но с тех пор он подросток... Видишь, каков? Под два метра. Он научился хорошо драться и теперь делает котлеты из всех, кто ему не нравится, а несостоятельные должники ему не нравятся очень. Но это я так, к слову. Я, Косточка, уверен, что ты всё отдашь вовремя...

Костя вышел от Министра – как холодной воды глотнул после трёх дней в пустыне. Оглядел автостоянку, гостиницу, кафе... Очень приличное с виду заведение. Да ведь в основном те, кто здесь работает, и не знают, чем занимается начальник охраны.

Компьютер себе Костя купил, выбрав его под мудрым руководством отца Алексея. Долг погашал исправно, однако за неделю до очередной выплаты у него начинался лёгкий мандраж. Вдруг Теплов задержит зарплату? Такого не бывало, но Костя боялся всё равно. Странно, в Чечне он не боялся, что его убьют. А вот что возьмут в плен и станут мучить – да. Наверное, в этом всё дело. Министр ведь не пойдёт на убийство за грошовую, по его меркам, сумму. Просто порекомендует заботам Котлеты.

Или заставит продать квартиру. Возможно, ссуда в банке была предпочтительнее.

Нечего плакать, сам напросился. Ладно, думал Костя, прорвёмся. Достаточно в срок отдавать деньги. Всякие пустяки вроде внезапной болезни и прочего Министр в расчет принимать не станет. Предупредил сразу...

А потом Костя потерял свой новый телефон. Или сам потерял, или вытащили в автобусе, на котором он ездил из города до работы. Свободных средств, чтобы купить другой, не было и не предвиделось ещё долго. Старый Костя давно продал. Ну что за невезуха! Ведь уже почти набрался храбрости, чтобы пригласить Леночку погулять на выходных. А теперь – как нищий... В наше время любой детёныш в песочнице уже

имеет телефон в кармане шортиков. Конечно, пригласив девушку, необязательно хвастаться мобильником. Но и совсем без него... Созвониться, скажем. Ладно, в крайнем случае, можно сходить к Министру.

– Нет, Косточка, – усмехнулся тот. – Погаси сперва хоть половину прежнего долга. Потом – дам. И зачем тебе взвинчивать сумму? Помни про Котлету.

Донельзя расстроенный, Костя просидел всю субботу за компьютером, а в воскресенье пошёл в городской парк, на своё излюбленное место. Но мысль о том, что он идёт туда один, без Лены, вконец изгадила ему настроение. Лучше б не ходил. Он так расстроился, что подойдя к скамейке, едва не сел на забытый кем-то телефон.

Костя огляделся в поисках владельца, хотя любой другой просто положил бы вещь в карман и ушёл побыстрее, пока не видели.

«Ну, если бы я мог так делать, то и жил бы получше, чем теперь, – подумал Костя. – Ладно, пойдём поищем хозяина... А вдруг это хозяйка, старик? Познакомись. Хороший повод».

Однако парк в этот ранний час был совершенно пуст. Очевидно, телефон на скамейке забыли в субботу вечером. Пройдя пару раз из конца в конец по главной аллее, Костя вернулся на свою любимую скамейку. В общем-то, ничего не мешало оставить телефон себе.

«Посижу часок, как обычно... для отчистки совести, – решил он. – Глядишь, человек хватится и сам сюда прибежит. А если не прибежит – сам виноват».

Тут ему пришла в голову мысль звонить всем подряд из телефонной книги. Рано или поздно попадется кто-то близко знакомый владельцу, и ответит сразу, не дожидаясь, как это и бывает: «Привет, Вася!», – или – «Привет, Маша!», – и у него-то запросто можно узнать имя и адрес раззявы, забывающего трубки где попало.

Костя достал мобильник и открыл меню. Телефонная книга была пуста.

Ругнувшись, он полистал дальше. Ага, данные о владельце! Открыл – пусто. Ничего не оказалось ни в «Последних звонках», ни в «Сообщениях». А мобильник-то, между прочим, неплохой. Большой экран. Не простой – сенсорный. Плеер есть, камера – есть... Интересно, а он работает вообще? В смысле – позвонить? Что-то не видно на экране логотипа оператора связи...

Не додумав до конца, правильно или нет он поступает, Костя по памяти набрал номер Дениса. Послышались гудки.

– Привет, Костян, – отозвался Денис зашпанным голосом. – Господи, ещё десяти нет! Ты чего в такую рань? Я вчера в четыре лег!

– Постой, – оторопел Костя, – ты откуда знаешь, что это я звоню?

– То есть как – откуда? – удивился Денис. – Номер твой высветился, однако.

«Так я с чужого телефона звоню!» – едва не вырвалось у Кости. Но он вовремя передумал и сказал:

– Да ведь у меня новая симка сейчас стоит.

– А у тебя что, есть вторая? Ну, значит, перепутал ты – старую поставил. Да и что, это так важно? Говори, чего хотел.

– Ничего. Спи дальше, это проверка связи.

Выругавшись длинно и матерно, Денис отключился. Ничего, долго сердиться не станет, успокоил себя Костя. Характер лёгкий... Сейчас его заботило другое – как он мог позвонить с чужого телефона, пользуясь собственным номером. Он взглянул в левый верхний угол экрана – Билайн. Ну правильно, у него Билайн. Да ведь только что он смотрел – не был указан оператор связи! Антенна была. С пятью чёрточками.

Открыл «Последние звонки». Там теперь стоял номер Дениса, и вдруг, закрывая его, всплыло окошко:

«Денис Краснов. Создать контакт? Да. Нет».

Костя машинально нажал «Да», стараясь понять, откуда чужой мобильник вытащил имя. Потом нажал на клавишу с красной телефонной трубкой, отключая питание.

Питание не отключилось. Странно... И никаких специальных клавиш – ни с боку, ни сверху.

Тогда Костя просто повернул телефон, снял заднюю панель и вытащил аккумулятор. Под ним – там, где обычно расположено гнездо для СИМ-карты, ничего не было. То есть, совсем ничего. Не только самого гнезда, но и этикетки с указанием фирмы-производителя. И тут телефон впервые подал голос. Нормальный голос, женский, приятный даже.

– Вниманию владельца! Основной аккумулятор извлечён. Ресурса встроенного источника питания хватит для работы в течение десяти минут. Убедительная просьба – установите на место основной аккумулятор.

– Ну надо же, как придумали! – удивился Костя. О телефонах со встроенной батареей он не слышал, но сейчас чего только не выпускают. Мобильник не отключился, экран выглядел как обычно.

– Вниманию владельца! Основной аккумулятор извлечён... – продолжала беспокоиться «девушка».

– Ладно, не переживай, – проворчал Костя, вставляя батарею на место и закрывая крышку.

Да, это любопытная вещичка. Откуда взялось имя Дениса? И почему он видел мой номер, когда я звонил? Кто выпустил телефон, где название фирмы? И если бы только это. Вот только что все графы раздела «Данные о владельце» были пусты, а теперь там стоит: Меньшиков Константин Николаевич. Год рождения... Домашний адрес...

Костя почувствовал, как несмотря на тёплое июньское утро его прохватило морозом по коже. Захотелось бросить чергову машинку обратно на скамейку, где он её нашёл, и бежать прочь со всех ног. Ещё можно верить, что телефон каким-то образом извлёк из Интернета имя абонента по номеру телефона. Но собственные имя-фамилию и, тем более, адрес, он ведь в мобильник не вводил! Откуда?.. По прикосновению, что ли?

Костя задумчиво вертел свою находку в руках. Ладно, раз уж попалась такая штука, стоит с нею разобраться как следует.

В следующие несколько дней он узнал о своем новом телефоне много интересного.

Например, баланс на его счету всегда оставался равен ста рублям, сколько ни звони. Это выяснилось почти сразу же после того, как Костя внёс в телефонную книгу номера всех своих знакомых. Говори, сколько хочешь, – и денег не надо.

Сначала телефон просто угадывал имена абонентов, а через пару дней начались настоящие чудеса. Стоило набрать три – четыре первых цифры номера при создании нового контакта, как телефон дописывал остальные, и тут же задавал примерно такой вопрос:

«Валентин Свирин. Создать контакт? Да. Нет».

Откуда мобильник получает информацию, Костя так и не понял. Разве что мысли читает.

Сама телефонная книга оказалась безразмерной. Какова её истинная емкость, осталось неизвестным. Вторично открывая уже созданный контакт, можно было получить исчерпывающие сведения о владельце номера. Рост, вес, место работы, серия паспорта, семейное положение и домашний адрес, а также любопытные подробности вроде настроения на текущий момент, какого-то «коэффициента здоровья» и т.д. Фотографии в профиль и анфас прилагались.

Казалось бы, живи и радуйся, но Костя продолжал относиться к своей находке настороженно. Кто ж сделал такую финтифлюшку? ФСБ? ЦРУ? Индикатор электропитания с каждым днем показывал всё более низкий процент зарядки, а как поправить дело, Костя не знал. У прибора попросту не было гнезда для зарядного устройства. Для наушников – пожалуйста, и подошли первые попавшиеся – от потерянного телефона. Но как-то же он должен заряжаться!

Через неделю Костя впервые услышал:

– Батарея основного аккумулятора разряжена. Пожалуйста, зарядите батарею, или вставьте другой аккумулятор.

– Хотел бы я знать, как это сделать, – буркнул в ответ Костя.

Дело было в пятницу вечером, и ему пришлось отключить звук, чтобы «девушка» прекратила надоедать через каждые несколько минут. А потом позвонил Денис и попросил дрель на выходные. Костя пропустил бы звонок, но, к счастью, как раз в этот момент посмотрел на засветившийся экран. Номер был незнакомый..

– Конечно, бери, какой разговор, – ответил Костя, когда разобрался, кто звонит. – Что, ремонт затеял?

– Тоже надо, знаешь ли. Так я подскочу прямо сейчас? Десять минут.

– Давай.

Костя взял дрель, закрыл квартиру и, спустившись со своего четвёртого этажа, уселся на скамейку перед подъездом. Не успел выкурить сигарету, как во двор въехала малолитражка Дениса.

– Шустрая у тебя коробочка! – похвалил Костя. – Или ты рядом был?

– Нет, я из дома. Да, неплохая машина, но всё равно, хочу другую. Слушай, сотри мой старый номер. У меня теперь будет этот – с которого в последний раз звякнул.

– Хорошо.

Денис забрал дрель и плюхнулся на сиденье.

– Давай, пока!

– Пока.

Машина тронулась, а Костя сразу решил внести поправку в телефонную книгу, чтобы потом не путаться. «Денис Краснов, – всплыло окошко. – Изменить данные?»

Конечно, так было бы проще всего, но слишком уж Косте нравилось, как мобильник вычисляет абонентов по номерам. И он ещё не потерял надежду найти разгадку. Поэтому он выбрал «Удалить».

А потом создам новую запись, подумал он.

«Удалить контакт? – переспросил мобильник. – Вы уверены?»

– Да, чёрт дери, уверен, – недовольно сказал Костя, нажимая соответствующую кнопку. Его всегда раздражали эти предосторожности.

«Внимание! – всплыло новое окно. – Денис Краснов будет безвозвратно удален. Продолжить? Да. Нет».

– Твою мать! – удивился Костя тупой настойчивости прибора и необычной формулировке предостережения. Запись он удалял впервые. – Сколько же тебе нужно подтверждений?

Нажав «Да», он мельком посмотрел в сторону проходящего неподалеку от дома шоссе. В прошлом году в той стороне свалили старые тополя, и дорога была видна хорошо. На выезде из жилой зоны, дожидаясь сигнала светофора, стояла машина Дениса.

Она тронулась, как только загорелся жёлтый, и лихо выскочив на трёхполоску, начала разворот. Костя уже вернулся к созданию новой записи, когда раздался визг тормозов. Вскинув голову, он увидел, как огромный грузовик, не успевший остановиться на красный свет, легко замял под капот малолитражку Дениса, протащил её под собой метров сорок, высоко задрав передок, выворачивая искореженным комом металла куски асфальта, и остановился, косо развернув длиннющий фургон поперек дороги.

Дениса хоронили в понедельник, и Костя отпросился с работы. Предыдущие десять дней всюду светило солнце, а день похорон, как назло, выдался серым, дождливым и безрадостным.

После того, как старый приятель погиб прямо у него на глазах, Костя и думать забыл о телефоне. Однако нужно было звонить, и волей-неволей пришлось вспомнить. «Девушка», будто понимая, что Косте сейчас не до неё, не напоминала больше про разряженный аккумулятор. А во вторник вечером он случайно глянул на значок в виде батарейки на экране и

оторопел. Открыл раздел «Электропитание» – уровень зарядки оказался равен восьмидесяти двум процентам.

«Чертовщина какая-то! – подумал Костя. – Три дня назад было восемь, а сейчас – восемьдесят!»

Но поразмыслив, он решил, что ничего удивительного нет. Создатели телефона, с помощью которого можно звонить сколько хочешь, имея на счету всё те же сто рублей, наверняка предусмотрели нечто особенное и для подзарядки. Не зря же нет соответствующего разъёма. Может, от тепла человеческого тела? Тогда его что – на ночь брать с собой в постель? Или динамическая подзарядка? Нет, это же не наручные часы... Скорее, у него сразу несколько способов подпитки. Откуда же он такой взялся?

Снимки, сделанные камерой таинственного мобильника, имели качество как у зеркалки «Никон». Кабеля для передачи данных на компьютер, понятно, не имелось, зато был блютуз. Костя просмотрел снимки на мониторе и начал задумываться, а не пойти ли ему работать профессиональным фотографом.

Плеер выдавал настолько чистый и объемный звук, словно в скромной коробочке, размером вдвое тоньше сигаретной пачки, был упрятан домашний кинотеатр. Фонотека такая же безразмерная, как и телефонная книга. Ничего не надо загружать или скачивать – достаточно в конце списка альбомов и песен нажать клавишу «Ещё музыка», и он пополнялся сразу на десяток названий. Видеоплеер тоже имелся, и там в конце списка надо было давить «Ещё клипы» или «Ещё фильмы». Костя перестал удивляться, когда нашёл в меню раздел «Память», а в нём – чеканную формулировку: «Объем памяти: неограничен».

«Эта хреновина наверняка из арсенала спецслужб, – с тоской думал Костя, ругая себя за опрометчивость. – И необязательно даже спецслужб российских. Неограниченная память, заряжается сама по себе... Надо бы оставить её, где лежала. А если меня накроют с ней? Два варианта – или грохнут на месте, или упрячут в тюрьму лет на пятьдесят. Пьяному ёжику понятно, что обычная промышленность таких телефонов не выпускает и в магазинах они не продаются».

Он промучился сомнениями до конца недели. Принять решение помогла электронная «девушка», сообщившая, что живущий по неведомым законам аккумулятор мобильника опять разряжен.

«Да зачем мне это надо? – удивился сам себе Костя. – Нянчись тут с ним, гадай, от чего он питается. И, того гляди, к тебе нагрянут ребята в штатском. Совершил глупость, взял его оттуда, позабавился – хватит. А теперь – ну его к дьяволу. Положу туда же, и думать забуду».

Но прежде следовало стереть телефонную книгу и личные данные. Кто знает, возможно, прибор потом сможет всё восстановить, но хоть временно, для самоуспокоения... И кто сказал, что его найдут именно истинные хозяева? Логичнее предположить, что подберёт какой-нибудь дурень, вроде него самого.

Опции «Удалить все записи в телефонной книге» Костя не обнаружил. Вздохнул, и принялся удалять по одной, с начала.

«Александр Багин. Удалить контакт? Вы уверены? Да. Нет».

Да.

«Алиса Михеева. Удалить контакт? Вы уверенны?»

Да.

«Боря. Удалить?»

Да. Давай быстрее.

«Балдохин. Удалить?»

Да.

«Внимание! Балдохин будет безвозвратно удален. Продолжить?»

Да.

На пятом имени Костя споткнулся. Чего я распиховался, в самом деле? Какие спецслужбы? Какие ребята в штатском? Ты что, шпионских фильмов пересмотрел в последнее время? Хочешь добровольно отказаться от такой вещи? Одна возможность звонить бесплатно чего стоит.

Он спустился вниз, во двор, и взял в ларьке под символической вывеской «Надежда» бутылку пива. Тут же вернулся и прихватил ещё две. Ребята из соседних домов называли этот павильончик не иначе, как «Последняя надежда алкоголика», но Костя сегодня напиваться не собирался, он вообще напивался редко. Но и одной бутылки будет маловато, чтобы расслабиться.

Вернувшись домой, он нажарил колбасы, сделал салат, яичницу и уселся перед телевизором. Компьютер на сегодня отменяется. Беспокойство по поводу телефона тоже отменяется – навсегда. Агенты спецслужб не забывают свои прибабасы на скамейках в парке. Если ты Джеймс Бонд, то должен иметь хорошую память. А принадлежит телефон ФСБ – да они меня вычислили бы давным-давно! Наверняка в их приборах маячки стоят, или что-то подобное. Нет, моя находка – не их хозяйство.

Тогда чья?

Костя ухмыльнулся и, подцепив на вилку ломтик колбасы, отправил его в рот.

Инопланетян, должно быть. Братьев по разуму. Снежного человека. Белого медведя...

Откуда я знаю?

Костя хотел было тут же восстановить удалённые контакты, но отложил до утра. Успеется.

Ночью он спал спокойно. Проснулся ближе к полудню и узнал о смерти своего одноклассника Саши Багина. Того, самого, чью запись он удалил из телефонной книги первой.

Позвонил их общий дружок Виталий Клепиков. Багин в пятницу уехал вместе с ним с ночёвкой на рыбалку. Ночью вышел по нужде из палатки, и его задрал медведь. На Витальку зверь не обратил внимания, сразу ушёл в лес.

Костя ещё не успел сообразить, что к чему, когда вновь зазвонил телефон.

– Косточка? Это Настя. Слышал новость? Готовься, нехорошая она. Алиска умерла. Погибла.

– Как???

– Пошла утром в магазин и упала в канализационный люк. Бомжи ночью крышку утащили. А она не заметила... представляешь? У нас в церкви по соседству случай был – тоже бабка в открытый люк свалилась, прямо в церковном дворе. Так вот, ей хоть бы что, карге старой, даже ногу не сломала. Вытащили её, и она ушла оттуда на своих-двоих, прославляя Господа Бога. А Алиска – насмерть...

Несколько придя в себя и сопоставив следствия с возможной причиной, Костя позвонил Боре. Его телефон не отвечал. В это время он лежал на берегу реки рядом с горкой одежды, а друзья, приехавшие с Борькой на речку, искали под водой его тело. Что случилось, Костя узнал лишь через час. Боря нырнул и ударился головой о корягу. Спасти его не удалось.

У Балдохина был только городской телефон, и Костя испытал невероятное облегчение, когда его бывший классный руководитель снял трубку.

– Сергей Васильевич? Это я, Костя. Да нет, всё в порядке со мной... А что с голосом? Нормальный голос... Послушайте, мне нужно срочно увидеться с вами. Очень срочно! Да, я всё объясню, когда приеду. Только, пожалуйста, не выходите из дому. Обещаете? Ни в коем случае не выходите никуда из квартиры, слышите? Да, и это объясню... Всё, еду.

Однако к своему любимому учителю, с которым он с удовольствием поддерживал связь и через много лет после окончания школы, Костя не успел. У подъезда, где жил Балдохин, стояла «скорая». После разговора с медиками удалось выяснить, что у жильца квартиры номер двадцать семь внезапно стало плохо с сердцем. Он смог позвонить, открыть дверь, чтобы не оказаться запертым в квартире, но умер ещё до приезда врачей.

На обратном пути от дома Балдохина Костя так задумался, что прошёл мимо остановки. Спыхватился, хотел вернуться, но махнул рукой и потащился пешком. Обдумать было что. На полдороге он достал телефон, желая немедленно проверить окончательно сформировавшуюся в мозгу жуткую догадку. Естественно, батарея была полностью заряжена. До отказа.

Остановившись посреди тротуара, Костя, сбиваясь, копался и копался в обширном меню, пока не нашёл уже знакомый раздел «Электропитание». Так и есть – почти четыреста процентов.

Одна жизнь – сто процентов.

Ещё одна жизнь – следующие сто, неделя работы.

– Чтоб я сдох, – раздельно сказал Костя, засовывая телефон в карман.

Не-е-ет, эта вещичка не принадлежит спецслужбам – и никогда не принадлежала. Человеческой промышленности создать подобное не под силу. И насколько извращенную психику надо иметь, чтобы предусмотреть такой способ зарядки? Кто на это способен? Разве что сам дьявол.

Случайный прохожий пихнул его в плечо и, недовольно пробурчав: «Ну, блин, встал!», торопливо побежал дальше. Костя почти не обратил на толчок внимания, но всё же стронулся с места и поплёлся в сторону своего дома – еле переставляя ноги, как старик. Мысли метались в голове со скоростью тараканов, которых шпарят кипятком.

«Дьявол! Кроме сатаны такое изобрести больше никто не мог. Или, всё же, инопланетяне? Изучают психику людей. Подкинули приборчик с интересными свойствами, а теперь наблюдают за мной с орбиты, невидимые для наших радаров... Хотят выяснить особенности поведения людей в определённых ситуациях, прежде чем идти на контакт. Или это и есть контакт? С их точки зрения... Или приборчик совсем ни при чём? Вдруг это просто средство связи и сбора информации, связанное с кораблём пришельцев? Так, наверное. Телефон просто передает и принимает, они делают... Ведь ни один прибор в мире не может сам по себе организовать авткатастрофу или нападение медведя. Не может подстроить так, чтобы человек, нырнув в реку, ударился головой о корягу... Постой, а пришельцы, какими бы они ни были, могут? Наверное, могут. Да нет, лопух, какие пришельцы, дьявол, сам дьявол!»

«Или пришельцы, но созданные дьяволом. Людей, говорят, создал Бог, а этих – сатана. Ну а кто ещё мог породить существ, производящих адскую технику, которая подпитывается человеческими жизнями?»

Уже добравшись до своей двери и запершись в квартире, Костя пришел к очевидному выводу – не так уж важно, кто создатель телефона. Сейчас гораздо важнее, кто его временный хозяин.

Хозяин-то он, Константин Меньшиков, что чётко прописано в «Данных о владельце».

И это его многочисленные друзья и дальние родственники записаны в телефонной книге.

Костя вздохнул с невольным облегчением. Хорошо хоть близкой родни у него нет.

«А какая разница??? – взвыл кто-то у него внутри. – Сейчас в телефоне больше трёхсот номеров!!!»

Облившись потом так, что рубашка моментально прилипла к спине, Костя тяжело опустился на первое попавшееся сиденье. Им оказался офисный стул перед компьютером. Подумав, он включил питание и стал ждать, пока загрузится система.

Весь следующий месяц он жил, как будто брёл в тумане. Днём – работа, и тоже в тумане. Вечера проходили перед компьютером, в мучительных поисках ответов в Интернете. Если раньше он читал фантастику под настроение, то теперь целенаправленно искал в рассказах разных авторов ситуации, похожие на свою. Перелопатил кучу постов на сайтах, посвящённых паранормальным явлениям и НЛО. Посоветоваться с кем-то напрямую Костя не решался. Выхода не находилось. Наконец запредельные для

всякого обычного телефона четыреста процентов зарядки подошли к концу. Тогда он и оказался в парке, на своей любимой скамейке, решив на улице дожидаться, когда у прибора сама собой закончится энергия.

Если раньше этот момент представлялся Косте вселенской катастрофой или, по меньшей мере, чем-то вроде ядерного взрыва посреди родного города, то теперь он успокоился. Точнее, просто слишком сильно устал, чтобы продолжать беспокоиться. Ну, кончится заряд, ну?.. Что будет-то? Вырубится дьявольская машинка, как вырубается всякий телефон с разряженным аккумулятором. Делов-то. А ведь недавно он совершенно всерьёз решал, придёт ли ему принести в жертву одного из своих друзей или лучше выбрать наугад любой номер в газете с объявлениями, чтобы внести его в список и сразу удалить.

И тут он вспомнил слова отца Алексея о возможности потери данных вместе с потерей энергии.

Не может быть, чтобы дьявол обошел стороной такую неудобную, но замечательную в свете Костиных знаний особенность современной техники.

В истерике вскочив с лавочки, он что-то бормотал, кажется, даже кричал, яростно сжимал в руке пластиковый параллелепипед с округлыми углами, но не раздавил, и, полностью обессилев, опустился обратно на скамейку. Где же выход? Должен же быть выход.

Но только чтобы никого не убивать.

Ночной парк был пуст. Ни единого человека, бомжи и те уже не бродят в поисках бутылок...

Брошу его здесь, решил Костя. Здесь, где и нашёл.

И будь что будет.

Он положил телефон на деревянные бруски сиденья и решительно двинулся прочь из парка. И даже отошел достаточно далеко.

Заряд до утра не протянет, подумал он с тоской. И я до утра не доживу. В лучшем случае свихнусь, думая об этом. А если заряд протянет? Заметит завтра телефончик какой-нибудь дурень, вроде меня, и...

Первым делом попробует избавиться от сим-карты. Честных людей мало, искать владельца никто не станет. А когда не получится, дурень просто удалит все чужие номера. Это раз. И этого уже больше чем достаточно.

Затем он попробует звонить и создаст первый собственный контакт... Ведь бедный дурень ещё ничего не знает.

И, конечно, он удалит данные о бывшем владельце... Кстати, а почему самому не попробовать?

Вернувшись, Костя взял телефон и, найдя соответствующий раздел, замешкался. Умирать ему не хотелось. И ещё меньше ему хотелось умирать на улице. Лучше дома. По пути будет время поразмышлять, чем моя жизнь ценнее жизни любого моего знакомого, издевательски подумал он. Да нет, правда, лучше дома...

Но дома он обнаружил, что удалить содержимое раздела невозможно. Никак.

Ещё боясь думать о том, на что он уже внутренне решился, Костя прошёл в ванную. Посмотрел в зеркало, в почти незнакомое, измученное лицо. Ни черта тебе не избавиться от ответственности – ты навеки связан. А если и смог бы удалить сам себя, то чему это поможет? Аккумулятор всё равно сядет, данные все равно будут потеряны.

Костя тяжело вздохнул и вытащил безопасное лезвие из пачки, взятой с полочки. Ну и ладно. Всё равно – не буду я решать, кому жить, а кому умереть. Будь проклят прибор, будь прокляты его создатели; через неделю всё начнётся снова, и мне снова придётся выбирать жертву – и так без конца. А за себя я решить могу.

Глубоко вздохнув, он выгнул запястье левой руки. Вот зараза, сколько же решимости надо, чтобы самого себя чуть-чуть порезать... Ну, давай же? Резался ведь в жизни по случаю?.. Пострашнее резался, случалось.

Вспомнив, что боль меньше чувствуется, когда рука находится в тёплой воде, он заткнул пробку в ванной и открыл краны. Когда ванна оказалась наполнена до краев, он их аккуратно завернул. Незачем топить соседей, хотя, казалось бы, какая теперь разница? Да и жили под ним какие-то вечно пьяные скоты. И его самого обнаружили бы сразу. А то пока на работе забеспокоятся настолько, что Теплов пошлёт гонца, и пошлёт ли?

Нет, правильно. Вдруг вечно пьяные скоты сегодня для разнообразия трезвые. Ещё вызовут, кого следует; ещё взломают те, кому следует, дверь, и спасут.

Присев на корточки и опустив теперь уже обе руки в воду, он опять поднес бритву – так близко, что почувствовал её касание. Господи, как тяжело...

– Батарея основного аккумулятора разряжена. Пожалуйста, зарядите батарею, или вставьте другой аккумулятор.

– Вот ты мне и поможешь, – сквозь зубы пробормотал Костя, временно отложив бритву для того, чтобы вытащить телефон и положить на край ванны, на угловую треугольную площадку. – Полежи-ка здесь. Без тебя я, брат, не смогу. А на тебя глядя – запросто...

Зажав лезвие половчее, чтобы не гнулось, и полоснув по запястью так глубоко, как только мог, Костя несколько секунд глядел на расплывающиеся в воде красные клубы. Потом выпустил бритву, опустил левую руку поглубже в воду, а сам, повернувшись, сел рядом с ванной на бетонный пол. Вяло вытерев мокрую правую о бьюки, достал сигареты.

Как в старые добрые времена – последняя затяжка перед смертью. И читал, и в фильмах видел. Правда, в книгах и фильмах героя казнили, а курил он, обычно, сигару. Или самокрутку. Один раз – трубку, но сойдет и сигарета. Сигареты казнимые герои курили тоже. Жаль, что так и не довелось пройтись под ручку с Леной. Другой поведёт её под ручку. Не такой простодыр, как ты... Вскоре он потерял сознание.

Очнувшись утром, Костя обнаружил, что так и сидит, свесив левую руку в ванну, и рука совсем ничего не чувствует. Спина словно оледенела от долгого и плотного знакомства с покрывавшим стену кафелем. Зад, покоившийся на бетонном полу, был как каменный, мошонка неприятно съёжилась.

«Так и простыть недолго», – тупо подумал Костя, и, осознав нелепость этой мысли в данной ситуации, рассмеялся. Вместо смеха вышло не то кряхтение, не то кудактанье.

Крови в ванной оказалось совсем немного, она едва окрасила воду в розовый цвет. С великим трудом поднявшись на ноги, Костя посмотрел на запястье левой руки. Там белел неровный шрам. Выглядел он так, словно после пореза прошло много лет.

Не найдя в себе силы удивиться, Костя выдернул пробку, выпуская воду. Телефон молчал. Взяв его, он зашёл в раздел «Электропитание». Шестнадцать процентов, примерно на сутки работы.

– Недорого же ты меня ценишь, – процедил Костя, пытаясь отвлечься от зверских мурашковых, атаковавших затёкшее за ночь и теперь начинавшее отходить тело – особенно ягодицы и висевшую через край ванны левую руку начиная от подмышки. – А остальные восемьдесят с лишним процентов где? Ушли на нужды оживления покойника? Сутки... Ладно, и то хлеб.

Подобрав с пола сигареты и зажигалку, он пошел в кухню, мельком взглянув на часы в прихожей. Полпятого. Полпятого, среда, лето, светает, скоро на работу, и он страшно голоден.

В холодильнике было пусто, так как Костя в последние дни совсем не готовил, почти ничего не покупал, часто забывая поесть вовсе. Настроение стремительно повышалось. Жив, жив!.. Спустившись во двор, он стуком в окошко разбудил продавщицу в «Последней надежде алкоголика» и взял килограммовую пачку пельменей. Недолго подумал, и попросил ещё полторашку «Андреича». Не стоило бы пить, но Теплов своих рабочих на алкоголь не проверял, воскресает не каждый день, и надо же это как-то отметить, да и что такое полтора литра светлого? До девяти всё выветрится. Вернувшись, Костя налил себе пива и стал ждать, когда сварятся пельмени. Весь килограмм и вбухал в кастрюлю. Да как бы и мало не было, если по аппетиту судить... Выпив один стакан, он похвалил про себя пиво и тут же налил второй. Помешивая в кастрюле, Костя мимоходом прочитал название на выброшенном в ведро пельменном пакете: «Михалыч».

– Фантазии у них, что ли не хватает? – хмыкнул он. – Пельмени – «Михалыч», приправа – «Приправыч»... Вот жизнь! Выпил «Андреича», закусил «Михалычем»... Достал «Макарыч» и пальнул в Рабиновича.

Пельменей хватило едва-едва. На работе никто ничего не заметил. Поздно вечером, стараясь почаще моргать после длиннейшего интернет-сеанса, Костя услышал ненавистный девичий голос:

– Батарея основного аккумулятора разряжена. Пожалуйста, зарядите батарею или вставьте другой аккумулятор.

– Чтоб ты сдохла, сука! – выдавил Костя, нехотя выключил компьютер и пошел в ванную.

Две недели так и продолжалось. Костя мало-помалу пристрастился к пиву, пока зная меру. А что удивительного? Другой вообще по-чёрному запил бы.

Сперва он брал одну полтарашку по утрам, на вторую неделю стал запасать пиво на вечер, в начале третьей уже брал бутылку с собой на работу. У Теплова продавалось пиво, но не станешь же там покупать?

Уединиться, чтобы хлебнуть из горлышка, было не трудно. Рискованно, конечно, ну да будем надеяться... Машину на стоянку загнать или подать её ко входу в гостиницу – невелика премудрость. Запах прекрасно отбивал «Антиполицай» и постоянное жевание «Орбита». Того, который без сахара. Ничего страшного. Пронесёт.

Пока проносило. Регулярная выпивка имела свои хорошие стороны – не так тоскливо ждать вечера. И ещё Костю особенно радовала даруемая алкоголем раскованность. Он осмелел настолько, что мог теперь достаточно свободно общаться с Леночкой (называя её Леночкой), и смешил девушку на ходу сочиняемыми анекдотами, проявляя доселе дремавшее в нём чувство юмора. Вскоре Лена привычно улыбалась ему ещё издали.

Личная катастрофа Кости, как и все катастрофы в мире, разразилась внезапно. Пиво было виновато, частенько отвлекавший его внимание образ Леночки, то и дело возникавший перед глазами, или же внушавшие чувство нереальности происходящего, доводившие до отупения ежевечерние самоубийства, успевшие стать традицией, да только однажды, загоняя на стоянку перед гостиницей дорогущий «лексус», Костя крепко приложил его к другой машине, и тоже не из дешёвых.

Заглушив двигатель, он посидел ещё в водительском кресле, прежде чем заставил себя вылезти наружу и оценить размер ущерба. Одного взгляда на передок «лексуса» с выбитой правой передней фарой, лопнувшем бампером и гнутым крылом, а также на и зад английского внедорожника хватило, чтобы потемнело в глазах. Костя вспомнил случай, о котором недавно писали все газеты: шофер грузовика на светофоре врезался в «Крузер». Вот так же вылез, посмотрел, достал из кузова канистру с бензином, облил себя и щёлкнул зажигалкой.

Кто-то бежал к стоянке, заливалась сигнализация пострадавшего «ленд-ровера», кто-то крыл матом из окна гостиницы, а потом и рядом с ним. «Спокойно, разберёмся!» – услышал он голос Министра, но так, словно его голова была закутана ватным одеялом. «Разберёмся, тебе сказали! – перебил поток яростной ругани рёв Котлеты. – Сдай назад, браток! Без рук! Со своими сотрудниками мы как-нибудь сами!..»

Костя полностью пришёл в себя и начал здраво воспринимать происходящее только в кабинете Теплова.

– Повезло тебе, – сказал хозяин комплекса, толкнув ему через стол несколько листов бумаги. – Почитай вот, и распишись. Твоё счастье, что

оба владельца согласились воспользоваться услугами нашей же мастерской. Хотя мужик на «Ровере» вначале упирался. Не хочу, говорит, иметь дело с сервисом, где работают такие раздолбай. И он не так уж неправ. Раздолбай – это ты, как понимаешь. И благодари Министра. Он согласен внести за тебя сразу всю сумму.

Костя молча перебирал бумаги.

– Ну, чего мусолишь? – нетерпеливо сказал Теплов, когда он пошёл на второй круг. – Это результаты экспертизы, ты их уже смотрел. Не первый год работаешь у нас, машины знаешь, должен понимать, что всё справедливо. Даже более, чем ты заслуживаешь. Ребята сделают всё по внутренним расценкам, как своему... А теперь – марш домой, отпуск без содержания, две недели. Выйдешь – подумаю, доверять ли тебе снова парковку.

– Да что вы, Андрей Викторович, – нерешительно возразил Костя. – Какой мне отпуск? Тут же моя зарплата за год. – Он вяло тряхнул листками. – Вижу, сумма ущерба не завышена, но...

– В отпуск! – рявкнул Теплов, однако без особой злости. – Да тебя вообще надо гнать в три шеи! Труженик! Подожди хоть, пока владельцы машин из гостиницы съедут!..

Выйдя на улицу, Костя столкнулся с Министром.

– Эх, Косточка, – сочувственно сказал начальник охраны. – Как же ты так, а? Ну ничего, расплатишься помаленьку. Отдавать придется вдвое больше, чем ты платил за компач. Сам понимаешь, я не могу всю жизнь ждать, пока верну свои деньги. Не хочешь сидеть на одном «Роллтоне» – можешь продать свою квартиру и переехать в секционку... Да не вздрагивай ты так, не нужна мне твоя хата. Справишься с выплатой без этого – возьму частями. Добрый я, понимаешь, человек. Пойдём, черкнёшь расписочку.

Оставшись без дела, Костя ушёл в первый в своей жизни запой, относительно протрезвев только к концу отпуска, и тогда же узнал из выпуска новостей, что начальник охраны гостиничного комплекса «У Теплова», без вести пропавший три дня назад, найден в лесопосадках с восемью пулями в теле и одной в голове. Следствие обрабатывает версию, согласно которой...

Костя схватил телефон, сгоряча подумав, что нечаянно стёр по пьяни номер Министра, но ему пришлось убедиться, что всё же таинственный прибор – не единственная причина внезапных смертей в этом мире. Номер оказался на месте, только при открытии контакта всплыло окошко: «Данный абонент в настоящее время недоступен».

– Это точно, – прошептал Костя. – Куда уж недоступнее.

На работе его первым встретил Котлета.

– Не думай, что если Министр откинул копыта, то ты теперь никому не должен. Можешь считать меня его правопреемником. Расписка твоя у меня. С нею, и прочими бумажками и показаниями свидетелей, я с тебя всё даже через долбаный законный суд получу без проблем. И вот ещё

что... Теплов решил тебя пока до парковки не допускать. Поработаешь подметалой. Зарплата будет – сам знаешь, а я не хочу ждать с тебя денег до седых волос, я тебе не Министр, это он у нас была широкая душа... Значит так: продаёшь хату, причём риэлтора тебе укажу я. Всё в моём присутствии. А тебе мы подыщем секцию где-нибудь на Толстовке, идёт? И бабки ещё останутся.

– Продажа-то почему через тебя? – попробовал всё же возразить Костя, понимая, что по основному пункту спорить бесполезно. – Что я, сам квартиру продать не могу?

– Ты мне не вякай, заморыш! – зловеще дыхнул ему прямо в лицо Котлета, нависая сверху как Кинг-Конг. – Заберёшь деньги и свалишь куда-нибудь в тьму тараканью, а я тебя потом ищи, да?

Кое-как отработав первую смену на новой должности, Костя пришёл домой. Долго без цели слонялся по квартире, глядя на стены так, словно видел их впервые. Наследство от матери. И память о ней единственная. Оно, конечно, можно и в секции жить, тем более, что сам виноват, да только надо быть полным кретином, чтобы думать, будто после сделки с Котлетой у него останется жилье или какие-то деньги. Тут Котлета прав – он не Министр... В лучшем случае – жизнь у мусорного бачка и ночёвки в подвалах. В худшем – труп обнаружат, но нескоро, если ещё обнаружат.

Несколько дней Котлета его не тревожил. То ли занимался подготовкой, то ли другими делами, с Костей не связанными, то ли давал жертве время прочувствовать ситуацию. Поручиться Костя не мог, но был почти уверен, что за квартирой и за ним самим следят. Наконец Котлета подошёл к нему, поймав точно так же, утром, перед работой.

– Возьми назавтра у Теплова отгул. Наври что хочешь. За один день всё и сделаем, ручаюсь. Завтра я тебе звякну... Кстати, какой у тебя номер?

– А ты мне свой дай, – решился Костя внезапно.

– А у тебя что, нет? – удивился Котлета. – Давай, записывай...

Во время обеденного перерыва Костя тяжело опустился на стул за пустым столиком в самом дальнем углу столовой, отведённом для своих, и достал телефон. Тот скромно помалкивал, переваривая порцию энергии, которую Костя по обычаю вкатил ему вечером.

«Если отдашь материну квартиру Котлете, имея в распоряжении такую вещь, ты просто полный слюнтяй, братец, – подумал он, открывая нужный контакт. – Слюнтяй и ничтожество, и что бы ни сделал с тобой Котлета, ты это заслужил. Убийство? Ну и что – убийство? А Дениса убил не ты? Балдохина? Алиску?.. Приборчик убил, думаешь? На кнопки-то ты нажимал!»

Леночка, ставя перед ним поднос, озабоченно посмотрела на его лицо.

– Ты что такой серый? – спросила она.

– Ничего не серый, – отозвался Костя, вызывая меню телефонной книги. – Просто настроение не очень.

«Котлета – всплыло окошко. – Изменить данные... Удалить?»

«Удалить!»

– И насколько не очень? – улыгнулась девушка.

«Удалить контакт? Вы уверены?»

Уверен ли он? Черта с два он уверен... Но левое запястье уже изрезано так, что приходится носить напульсник. Браслетом от часов такие шрамы не закроешь.

«Удалить!»

– Насколько? – переспросил Костя, поднимая глаза от экрана, и тоже невольно улыбаясь. Глядя на такое лицо, как у Леночки, нельзя не улыбаться. – Насколько не очень? Очень не очень...

«Внимание! Котлета будет безвозвратно удален. Продолжить? Да. Нет».

– Всё из-за аварии? – посочувствовала девушка. – Тяжело, я понимаю. Но ты ведь разрулишь ситуацию?

– Конечно, разрулю, – ответил Костя, нажимая «Да».

– Хороший у тебя телефон, – заметила Леночка, поворачиваясь, чтобы уйти.

– Ещё какой хороший, – пробормотал он ей вслед. – Просто замечательный.

Отпрашиваться у Теплова на следующий день он не стал, о чём начал жалеть сразу, как только сел в автобус после работы. А вдруг прибор не сработает?

Да почему он должен не сработать, уговаривал себя Костя, всегда срабатывал, а тут, когда больше всего нужно, выдаст осечку? Вот-вот, возражал он сам себе, именно потому и выдаст, что больше всего нужно. Пока ты бездумно убивал своих знакомых и себя терзал, он срабатывал, а сейчас не станет. Или сработает наоборот – Котлета сегодня выиграет миллион в казино, окажется ночью в постели с тремя лучшими красавицами города одновременно, шрамы на его роже рассосутся бесследно, а Теплов завтра официально назначит его на место Министра. Называется это закон подлости – дьявол придумал его, пока изобретал твой телефончик.

Семь часов вечера, восемь... Костя каждый час заходил в раздел «Электропитание». Девять часов... Пять процентов заряда, потом четыре. Электронная девчонка, эта дочка сатаны, голос которой её папаша упрятал за сенсорным экраном, молчала, хотя раньше начинала доставать его, едва уровень падал ниже семи процентов, а уж по снижению до пяти верещала вовсю. Десять часов... Костя, ещё недавно серьёзно сомневавшийся, способен ли он использовать прибор в личных целях, теперь желал скорейшей смерти Котлеты так, как не желал ещё ничего в жизни. Одиннадцать часов... И вот, в очередной раз зайдя в «Электропитание», он увидел зелёную полосу поперёк всего экрана, а под ней заветную цифру сто три. Прибор сработал.

Просыпаться в собственной постели, а не в ванной комнате, где теперь место вытащенной в прихожую стиральной машины занимало специально поставленное там кресло, было непривычно. Непривычно было начинать день без пива, но Костя и глотка не смог выпить с тех пор,

как удалил контакт Котлеты. Ещё в автобусе он узнал от двух знакомых мойщиц, работавших у Теплова, новость как раздобытую ими ночью: ночью Котлету насмерть зашиб стулом один из постояльцев гостиницы.

В понимании Кости, чтобы убить замначальника охраны, того требовалось ударить не стулом, а, по меньшей мере, книжным шкафом. Или шифоньером с антресолью. Причем не один раз. И в конце для надежности обрушить на него всю тепловскую гостиницу.

Впрочем, странная уязвимость Котлеты, как и осведомлённость мойщиц, вскоре объяснилась, поскольку обе девушки болтали без умолку. Одна из них была подружкой дежурившего ночью охранника, который и позвонил ей утром, едва она встала. Котлету в коллективе не любили, а для некоторых его смерть была настоящим праздником.

В семь вечера постоялец из сорокового номера потребовал к себе наверх выпивку, через час – девочек. Ещё через два с лишним часа в сороковом начался настоящий кавардак: постоялец, судя по доносящимся звукам, избивал проституток, и грозился их прирезать. Когда в номер попыталась проникнуть охрана, он открыл стрельбу через дверь. Вызывать милицию Теплов не любил, и охранники знали об этом. Посему из бани на озере спешно извлекли парившегося там с какой-то продажной милашкой Котлету. Наскоро одевшийся замначальника пришёл на выручку своим подчинённым и потребовал, чтобы постоялец для начала отпустил проститутку. На что получил ответ: приди и возьми.

Котлета, не отличавшийся ни малодушием, ни долготерпением, пошёл на штурм. Один из охранников постучал с улицы в окно расположенного на третьем этаже сорокового номера шваброй, привязанной к деревянному бруску, отвлекая внимание; одновременно Котлета вышиб дверь и ворвался в номер, моментально обезоружив буяна. Но тому удалось вырваться, отскочить и запустить в противника стулом, угодившим ему кончиком ножки точно в висок. После чего постоялец, подобрав свой пистолет и стреляя во все стороны, вырвался в коридор, сбежал вниз по лестнице, забрал свою машину со стоянки и был таков. На месте происшествия наконец вызванная милиция обнаружила больше двадцати гильз от пистолета ТТ и две то ли брошенные преступником, то ли оброненные им второпях обоймы от того же оружия. О внешности убийцы почему-то ничего не смогли толком рассказать даже проститутки, бывшие с ним в номере, которым он не причинил никакого существенного вреда, исключая пары синяков у каждой. Оружие ни по каким делам ранее не проходило, отпечатки пальцев не с чем оказалось сравнивать, а краденую машину с фальшивыми номерами обнаружили всего в десяти километрах дальше по трассе. Преступник же словно испарился.

Никаких новых правопреемников Министра по смерти Котлеты не обнаружилось, и Костя почти целую неделю жил спокойно. Полному счастью мешал только с каждым днём приближающийся срок очередной зарядки аккумулятора, и мысли, текущие непрерывным беспокойным потоком.

Представляя себе, сколько людей в мире хотели бы иметь подобный телефон, Костя сразу приходил в дурное расположение духа. Военные любой страны, террористы, религиозные фанатики... Да разве всех перечислишь. И они не мучились бы угрызениями совести, отправив на тот свет какого-нибудь Котлету, которому туда было давно пора. Быстрое устранение политических противников, конкурентов по бизнесу, врагов веры, кого угодно... И таким способом, что не подкопаешься. Достаточно узнать номер телефона.

В относительной безопасности оказывались те, кто телефонами не пользовался, а много их сейчас? И безопасность их была бы только относительной.

«Что я знаю о других свойствах прибора? – размышлял Костя. – Нелепо думать, что создатели уникального и страшного с любой точки зрения аппарата предусмотрели в нём только пополнение энергоресурса при помощи убийств людей, внесённых в телефонную книгу. Сколько уже раз приборчик оживлял меня самого? А если меня по-настоящему убьют? Посторонние? Нет, скорее всего, не смогут, пока телефон при мне. Интересно, что будет, если я прыгну с вертолета в кратер действующего вулкана?»

Надеясь на безразмерную память мобильного, Костя пока ни разу не удалял ни фотографии, ни видеозаписи. Теперь боялся и пробовать. Люди с фотографий – что с ними будет? Все умрут? Он сделал множество снимков на улице и в парке...

А если удалить музыкальный альбом? Тимоти, вот, например, ему никогда не нравился. Костя представил, как нажимает в меню «Удалить», после чего смерть наступает исполнителя песен, композитора и автора текстов. А среди фанатов Тимоти начинается жуткая эпидемия, которую нельзя остановить никакими ухищрениями медиков, и они все поголовно вымирают.

«Прибор способен воскрешать своего владельца. А кого ещё? Что произойдёт, если ввести в телефон номер уже мёртвого человека? Эй, постой, есть же такой человек...»

Костя прекратил работать метлой и прикрыл глаза. Вот он находит номер Министра, открывает меню, а там, в самом низу скромная надпись: «Восстановить контакт», после нажатия на которую телефон задает примерно такой вопрос: «Попытаться восстановить Министра? Да. Нет». И вот уже Министр оживает в своем элитном гробу, под бетонной плитой, на глубине двух метров ниже поверхности земли... Не-ет, с воскрешениями мы пока повременим. Такого и Котлете не пожелаешь.

Открыв глаза, Костя достал телефон и тут же проверил свою догадку. Соответствующей опции меню не предлагало. Или она присутствует где-то, нужно лишь найти? Здесь столько всего, я ещё и половины не видел...

Значит, пока мы освоили только убийства. И что с этим делать? Наказывать ушедших от правосудия преступников? Конечно, издевательски сказал про себя Костя, они номера своих телефонов печатают в газетах.

Крупными цифрами... Вот, недавно возле Смирновки неизвестный водитель сбил на трассе двух ребятшек. Оба умерли по пути в больницу, поскольку «скорая» приехала слишком поздно. А водитель скрылся. Но поди найди его номер...

Киллером стать проще. Начать с мелочёвки, заработать репутацию, и вот ты уже непревзойдённый специалист своего дела. Но рано или поздно тебя вычислят, да, вычислят – те самые парни из спецслужб, которых ты недавно так боялся – и поставят себе на службу вместе с телефоном. А ты даже умереть не сможешь.

Думай, братишка, думай. Чуть больше двадцати процентов осталось в аккумуляторе. Ох, как же неохота опять садиться в кресло возле ванны...

Плунуть на всё, и ничего не делать. Пусть разряжается... Костя вспомнил фильм, где герой утешает героиню – очень симпатичную девушку – после смерти кого-то, кто был ей страшно дорог: «Да, он умер, но жизнь продолжается!»

Впрочем, и в других фильмах эта фраза звучала частенько, особенно в американских. «Жизнь продолжается!»

Больше трёхсот человек в телефонной книге... И ещё фотографии. Фотографии, о которых он до сих пор ничего не выяснил! Множество фотографий парка в воскресные дни, там сотни, может, тысячи людей. Что будет? Аккумулятор садится, данные потеряны; все умерли, но жизнь продолжается...

В том, что сам он останется жив, Костя почти не сомневался. В худшем случае постареет лет на десять, а батарея окажется полностью заряженной. Дьявол или зелёные человечки с летающей тарелки – они не опустят его так просто.

Близился конец рабочего дня, и Костя уже собрался идти в раздевалку, когда вспомнил, что не прибрал девичью курилку. Смолить на территории Теплов служащим запрещал, но вообще курильщиков не преследовал, и специально отведённых мест на территории комплекса было сразу несколько: у чёрного входа гостиницы, в автомастерской, на мойке и за столовой. Последняя и называлась «девичьей», поскольку курящих поваров-мужчин в столовой не было, и дымить туда ходили одни официантки.

Снаружи курилка была похожа на небольшое, пристроенное к задней, глухой стене столовой подсобное помещение, очень чистенькое и опрятное. Дверь находилась со стороны служебного входа в столовую. Костя подошёл с противоположной, и остановился, услышав внутри голоса. Говорили разбитная черноволосая Танька, заядлая курильщица, и Леночка.

«Вот не знал, что Лена курит, – подумал Костя. – Надо же. Или просто пошла за компанию, с Танькой посекретничать?»

Он повернулся, собираясь уйти, когда Танька сказала:

– Да что он тебе может сделать-то? Пошли его лесом и забудь.

И в ответ донесся слабый, плачущий голос Лены:

– Ты не понимаешь ничего! Этот старый козел – декан факультета! Не поеду с ним – не протяну до конца следующего семестра! У нас половина преподавателей – взяточники, я тебе могу прайс написать, у кого сколько стоит экзамен, у кого – курсовая... И все они у него в кулаке. Нажмёт на них – и сессию мне не сдать ни за что...

– Почему не сдать, ведь ты же всё знаешь! Ну подучи ещё, так, чтобы они подкопаться не могли!

– Много ты понимаешь! Прости, Тань, но у тебя только ПТУ за плечами, откуда вас не знали, как на производство выпихнуть. А когда тебя сразу несколько преподавателей начнут намеренно валить – тут ты хоть как учи...

Костя замер, боясь обнаружить себя и уже не собираясь уходить.

После долгого молчания Танька спросила:

– Ну, и куда он тебя зовет?

– На Кипр, – мрачно ответила Леночка. – Ещё весной начал уговаривать.

– Надолго?

– На месяц.

– А-а, как раз, чтоб вернуться к началу нового учебного... Знаешь, Леноч, другая на твоём месте уже собирала бы вещи, навешав лапши папану и маману. Студентки сейчас в постель готовы лечь ради того, чтоб «неуд» в зачетке исправить. А тут!.. Месяц на Кипре! С подпольным миллионером! Я, случайно, не смогу тебя заменить? Ты предложи.

– Тебе всё шутки, – всхлинула Леночка. – Пусть хоть миллиардер, но мне он не нужен. Козёл старый!

– Заладила – козёл, козёл... – недовольно пробурчала Танька. – Все мужики козлы! Вот найдёшь ты себе мужа по большой любви, а через некоторое время выяснится, что он такой же козёл, как твой декан, если не хуже. Только денег у него не будет. А если будут, так он поедет на Кипр с любовницей, оставив тебя дома вытирать сопли ребятишкам.

– Что делать-то? – обречённо спросила Леночка. В голосе ещё дрожали слезы.

– Ну, уйди из института, раз всё так мрачно, – посоветовала Танька.

– Мои родители за эти два года в струнку вытянулись, и всё, чтобы их доченька любимая получала высшее. И дальше намерены вытягиваться. Как я им в глаза посмотрю? Как объясню?

– Ну, переведись! – уже крикнула Танька, но Костя не стал дослушивать, чем кончится разговор и, аккуратно ступая, пошёл прочь от курилки. Девчонки скоро выйдут, не могут они там долго, спохватятся, что их прекрасно слышно снаружи через тонкую стенку из гофрированного железа.

Он вытащил телефон и посмотрел время. Лена должна была вскоре смениться и ехать домой. Обойдя столовую, он встал неподалеку от входа, и девушка действительно вышла через несколько минут. На лице уже не было и следа слёз, однако оно вытянулось и побледнело.

– Пока, Кость, – бросила она, проходя мимо. Почти приветливо. – Что это ты в комбинезоне до сих пор? Ночевать здесь собрался?

– Подожди, – ответил он, удерживая её за руку. – Знаешь, я сейчас всё слышал, о чём вы с Танькой говорили.

Девушка вздрогнула, остановилась, и взглянула на него исподлобья.

– Подслушиваешь, – сказала она, и в голосе больше не было ни капли приветливости. Он стал злым.

– Я курилку шёл убрать, – возразил Костя. – А вас за километр было слышно. И я не собираюсь никому рассказывать.

– А что ты собираешься делать? – прищурилась Лена.

– Я помочь хочу.

– Правда? – горько улыбнулась Лена. – А как?

– Может, просто поговорю с ним.

– Поговоришь? – переспросила она и сдавленно рассмеялась. – Поговоришь? Да он не только деканом у нас, он с самой перестройки коммерцией занимался, теперь в десять раз богаче Теплова. У него знаешь какие связи? И ты с ним... поговоришь?..

Костя решил не обижаться.

– Послушай, – сказал он. – Только не психуй. Ответь мне на пару вопросов – ты точно с ним не поедешь?

– Естественно. Ты за кого меня принимаешь? Я под похотливых пердунов не подстилаюсь.

– Не ругайся так, тебе не к лицу... И ты точно уверена, что он выживет тебя из института?

– Это называется риторический вопрос, Кость. Ты же слышал, о чём мы говорили.

– Тогда какой вред я тебе причиню, разок побеседовав с ним? Никакого. Хуже-то не станет. Есть у тебя его номер телефона?

Лена внимательно недоверчиво вглядывалась в его лицо.

– Тебе это зачем, Кость? Не станет он с тобой разговаривать.

«Это я с ним не стану», – подумал Костя, сказав вслух:

– Кто знает. У меня тоже имеются кое-какие связи... наверху. Ну, есть номер?

– Конечно, – девушка наклонила голову, расстёгивая сумочку. – Дал мне, чтобы я по зрелом размышлении могла выразить свое согласие. Записывай...

Когда они расстались, Костя сходил переодеться и вышел с территории комплекса, на прощание махнув скучающему охраннику. Автобус, на котором он обычно ездил домой, уже ушёл, и на остановке никого не было. Костя опустил на скамейку и достал телефон.

«Дмитрий Семёнович Белецкий. Удалить контакт? Вы уверены?»

Эх, Дмитрий Семенович, что ж ты такой сукой выродился?

О похожем случае Костя уже слышал от Алиски – ныне покойной Алиски, которая тоже училась в институте, в другом городе. Но там девушку к любовной связи принуждал не декан, а рядовой преподаватель. Парень же девушки был не таким нерешительным нюнсей, как он,

Константин Меньшиков, а настоящим бандитом стандарта Котлеты – тоже ныне покойного. И после разговора по душам преподаватель, в спешном порядке уволившись из института, отбыл в неизвестном направлении.

Такие дела. Не все учителя похожи на Балдохина, который любил учеников как родных детей...

Но Балдохин тоже мертв.

А вот Дмитрий Семёнович жив. Хотя лучше сказать – пока жив.

Стоп. Ещё не поздно дать задний ход. Леночка, действительно, может просто уйти из института...

Только почему она должна уходить? Ты что, не хочешь её защитить?

Да брось, темнила, зачем корчить из себя рыцаря? Тебя ведь до трясушки бесит, что некий мерзавец предложил Леночке спать с ним; не просто предложил – вынуждает к этому; ту самую Леночку, которую ты до сих пор в кино пригласить не отважился...

«Внимание! Дмитрий Семёнович Белецкий будет безвозвратно удалён. Отменить? Продолжить?»

И зачем я полностью записал его имя-фамилию, да ещё и отчество? Как это глупо – так аккуратно регистрировать данные человека, которого ты намерен убить? И ты подумал, что потом скажешь Лене? Сможешь объяснить?

А зачем объяснять? Ничего мне не придётся объяснять. Был человек – и нет его. Да и человек ли? Скотина. Седина в бороду – бес в ребро... Ничего мне не придётся объяснять, и я не обязан! Несчастный случай, кирпич с крыши, наезд на пешеходном переходе, инфаркт...

«Внимание! Дмитрий Семёнович Белецкий будет безвозвратно удалён!»

Или – так, или идти сегодня вечером в ванную. Что же ты делаешь с нами, судьба, предлагая такой выбор?

«Продолжить? Да. Нет».

Если удаление Котлеты с материального плана бытия ты ещё мог назвать самообороной, то теперь произойдёт чистой воды убийство. Из ревности. Или от праведного возмущения людской низостью, но всё равно – убийство. И как ни страшно сейчас, потом будет страшнее. Или станет легче, что ещё хуже.

Сегодня этот похотливый Дмитрий Семёнович. А кто через неделю? Через месяц? Через год? Как долго человек способен находить оправдания таким поступкам?

Кем ты сам станешь через год, через пять, через десять лет, если будешь продолжать лишать людей жизни одним касанием кнопки на сенсорном экране?

Костя огляделся по сторонам, словно ища того, с кем он мог бы посоветоваться. Но на остановке всё ещё никого не было. И машин почему-то не видно на трассе... Один, и некому задать вопрос.

Отменить?

Продолжить?..

Да?

Нет?

Двери

Дом возвышался, точно крепость.

Хотя в нём было всего-то пять этажей, на фоне остальных приземистых, квадратных, вросших окнами в тротуар, он казался «высоткой». Или нет, всё-таки крепостью – величественной, мощной, даже грозной.

...Центр небольшого южного города был пыльным, зелёным и старинным. Его запрещали застраивать новыми домами, разве что выдержанными в том же стиле, и высотой не больше трёх этажей. Я потихоньку оторвалась от нашей шумной энергичной компании, свернула за угол – и растворилась в тихих малолюдных улицах. Греческая, Итальянская, Немецкая... Улица Контрабандистов – рассказывают, здесь до сих пор сохранились тайные ходы-выходы к морю и к центру города, а по вечерней темноте на ней можно запросто заблудиться. Каждый кованый козырёк, дверь, ворота, даже решётки на узких окнах домов были причудливы и неповторимы. А ещё повсюду лежали, сидели и стояли кошки, либо настоящие, разморённые жарой, либо настоженно и изящно застывшие – в глине или в металле.

Я заглядывала в приоткрытые ворота. Дворы оказались куда больше фасадов домов, тянулись чуть ли не на полквартала: многочисленные деревянные пристройки, лестницы, веранды, бельё на веревках. Клумбочки и клумбы с крупными южными цветами, названий которых я даже не знаю. Вьюны оплетали столбы и решётки веранд густой, яркой массой, почти не колыхавшейся на сильном ветру... Я смущённо и рассеянно улыбалась хозяевам, посиживающим на скамейках и вынесенных из дома стульях, и возвращалась из дворовой тени на оглушающее солнце улиц.

Высоко в ясном – ни облачка! – небе созрел готовый к полёту тополиный пух; не коробочки-клубки, как у нас на севере, а настоящие абажуры. Я представила, как один из них раскрывается прямо над головой и накрывает пушисто-белым одеянием меня – снегурочку, заблудившуюся в лете... Одурающе пахло акацией, просто физически ощущались сладкие жёлтые волны, испускаемые непривычно высокими деревьями.

Я шла, шла и шла. Заблудиться не боялась – по привычным масштабам город мал и несложен. Тут ходит-то всего пара-тройка автобусов и трамваев. Выбрела к лестнице, зигзагом идущей с холмов вниз, к деловитому шумному порту. Прошла мимо купающейся в желтовато-зелёном море набережной с пёстрыми зонтиками столиков и загорелыми уже (всего-то май месяц!) лицами и телами.

Разглядывала плитки у себя под ногами – кое-где ими, разноцветными, фигурными, были выложены причудливые медальоны со львами, гербами и каменными розами, – посматривала по сторонам, наслаждаясь яркими красками фасадов и зелени.

И потому дом – серый, массивный, охвативший полукольцом, пожалуй, весь квартал – возник передо мной неожиданно.

Дом возвышался крепостью. Дом внушал робость. Дом... выглядел домом, надёжно скрывающим в своей каменной глубине, тайной сердцевине, нечто нежное и бесценное. Даже яркие пятна белья на балконах и выдуваемых наружу сквозняком занавесок впечатления не смягчали – дом просто маскировался.

Арка нависла надо мной тёмным прохладным провалом. Казалось, порви шагом прозрачную ткань тени – и пересечёшь некую тайную границу. Я даже невольно задержала дыхание, прежде чем нырнуть внутрь. Арка была глубокой, сыроватой, контуры серых плит кое-где подчеркивал тёмно-зелёный бархат мха...

Свет, цвет и звук обрушились на меня, как будто я шагнула на ярко освещённую сцену театра. Двор оказался просто огромным, окольцованный домом, точно природным утёсом. Здесь, под его укрытием, цвели самые яркие цветы и самые зелёные в мире деревья – во всяком случае так показалось мне, ступившей из тени в ослепительное пространство двора. Народу было немного – всё-таки рабочий день в разгаре – дети, бабушки, молодые мамы с колясками. И опять же – кошки. Спящие, играющие, нехотя уступающие дорогу медленно едущим машинам.

Кодовые замки и домофоны на дверях подъездов отсутствовали. Да и сама дверь – лёгкая, фанерно-деревянная, – просто привет из советского детства. Внутри было так же темно и прохладно, как перед этим – в арке. Скользя ладонью по гладким деревянным закруглённым перилам, я поднялась по выщербленным ступеням на пару пролётов. Посмотрела вверх – даже голова закружилась, словно я заглянула в глубокий колодец. Крепость-дом, что же ты прячешь?

Было очень тихо. Так тихо, что я даже вздрогнула, когда вдоль стены бесшумно скользнула ещё одна обитательница дома. Кошка.

Казалось, кошка меня ожидает. Во всяком случае, она стояла на крыльце, подрагивая задранным хвостом. Коротко мурлыкнула и, неспешно сбежав со ступеней, направилась к двухэтажному дому посередине двора. Самый обычный дом самой же обычной архитектуры – куб с плоской крышей. Кажется, даже не жилой, окна на втором этаже забиты досками. Возле распахнутой входной двери – несколько вывесок разного формата и цвета. Я шла следом, разглядывая чёткий черепаховый узор кошачьей шкурки – за таких кошек отдают большие деньги, а тут они просто обычные дворовые...

Вывески на стене промелькнули мимо невнимательного взгляда. Магазин номер... МУ... городской клуб развития чего-то там... Я сделала круг по небольшому тёмному холлу: все двери закрыты, а ведущая на второй этаж ещё и заколочена двумя досками крест-накрест (но как-то неубедительно, точь-в-точь замок на двери в деревне, который бабушка навешивала перед тем, как пойти в магазин). Я даже подёргала доски на пробу. Те

подавались. Будь я ребёнком, непременно б проскользнула наверх, запретный плод сладок...

– Ох!

Мужчина, распахнувший створки двери небольшого магазинчика, оглянулся на мой испуганный возглас.

– Здравствуйте, вы к нам?

– Да вот... зашла...

Свет притягивал меня, словно ночного мотылька. Низкий порог, полукруглый прилавок, занимающий чуть ли не весь магазин. Окна без занавесок. Белый и жёлтый цвет стен, тёмно-коричневый – прилавка и полка. Продавец (хозяин?) – зелёные глаза, тёмные волосы, резкий профиль, лет тридцати – не обращая на меня внимания, разбирал что-то на полке. И слава богу, а то как уставятся на единственного покупателя...

Я прилипла к прилавку. Карты, ракушки, тусклые монеты, деревянные резные фигурки, кусочки то ли разноцветных стекол то ли камней, веточки окрашенных кораллов... На стенах на специальных штырях висели металлические колокольчики всех размеров – вплоть, кажется, до корабельной рынды. Якоря тоже наличествовали, но слава богу, сувенирных размеров, иначе в магазине вообще не развернуться.

А ещё тут были альбомы с марками. Я листала их; пахло пылью, кожей и старой бумагой; наслаждалась названиями стран, которые в детстве звучали как сказка. Бурунди, Шри-Ланка... Кажется, вот эти даже были у меня в альбоме!

– Нравятся? – мужчина, поглядывая на меня, стирал пыль с гигантской раковины, лежавшей на подоконнике.

Я с лёгкой ностальгией закрыла альбом.

– Жаль, я уже не собираю марок.

Мужчина кивнул.

– Ну, может, вы собираете что-нибудь другое?

Я окинула взглядом прилавок. Я бы с удовольствием ещё здесь задержалась, но, похоже, пора и честь знать...

– Нет, ничего не собираю. До свидания.

– Каждый из нас что-нибудь да собирает, – говорил мужчина, листая тяжёлый иллюстрированный альбом. – Кто-то коллекционирует свои беды, кто-то разбитые сердца, кто-то минуты радости...

Я задержалась на пороге. Кажется, меня вовсе не вынуждают сделать покупку – ему просто захотелось поговорить. Надо же, философ!

– А что собираете вы?

– Редких посетителей.

Да уж, народу тут явно не густо!

– Жаль, что ваш магазинчик расположен в таком неудобном месте. Знаете, я ведь на вас наткнулась совершенно случайно. Просто зашла за кошкой...

Хозяин блеснул на меня взглядом.

– Вас привела кошка? Хорошая примета.

У него оказалась такая яркая и располагающая улыбка, что я невольно улыбнулась в ответ.

– Да у вас не город, а просто какой-то кошачий рай! Куда не пойдёшь, везде на них наткнёшься...

– Не спешите, можете разглядывать витрину сколько угодно. Я же не говорил, что коллекционирую покупателей... А хотите чаю? Понравился наш город? – он как-то вдруг оживился и заторопился.

– Да. Очень. В смысле хочу чай, и город – да, понравился.

Слово за слово – и мы с Димой неожиданно разговорилась.

Я люблю старые городские дома. Не усадьбы или дворцы, просто построенные в позапрошлом и прошлом веке, одно или многоэтажные – значения не имеет. В любом городе я нахожу такие улицы и брожу, широко раскрыв глаза, чтоб, не дай бог не упустить чего. Наверное, надо было стать архитектором, изучать все эти пилястры-карнизы-фонари, архитектурные стили, и с первого взгляда угадывать десятилетие, в котором построен каждый конкретный дом. Но смогла бы я тогда просто смотреть с замиранием сердца и наслаждением? Да ещё и наверняка проектировала здания типовой застройки – народу нужно дешёвое и быстро строящееся жильё...

– Сейчас модно поворачиваться лицом к природе, стремиться вырваться из города... А я вот до мозга костей горожанка. Знаете, я даже разговариваю с домами!

– Значит, вы коллекционируете дома? – уточнил Дима.

Я засмеялась.

– Да, в некотором роде! Кое-какие даже фотографирую.

– Тогда вам будет интересно это, – он двинул по прилавку альбом. Я пролистнула тяжёлые глянцевые страницы. Великолепные виды Парижа, Питера, Рима...

– А вы на мелочи не размениваетесь, коллекционируете сразу города?

– В некотором роде, – повторил он мои слова. – Хотите, покажу вам город? Дима смотрел на меня так внимательно, что казался напряжённым.

– Я, в общем-то, уже многое видела.

– Да, кое-что вы видели, – согласился Дима. – Но я покажу вам свой город. Свои любимые места.

Ну, будем надеяться, что он не работает с преступной группой, заманивая и грабя незащитных туристов. Чего у меня брать? Сотню в сумочке?

– Я... – я нерешительно качнула этой самой сумочкой. – Я не знаю...

– Решайте, – он выглянул в окошко. – Темнеет уже. Если не согласны, просто провожу вас до дома.

И правда, вечер уверенно наступал на разморённый солнцем город, обещая прохладу и ровный ветер с моря. Да ещё крупные яркие звёзды и круглую, яркую, как прожектор, луну.

Я согласилась.

За исключением любви к старым домам человек я благоразумный и потому тут же отзвонилась друзьям, у которых остановилась. Мой

добровольный проводник запирал свой магазинчик и посмеивался, слушая отчёт с подробностями.

Когда я отключилась, сказал вежливо:

– Надо было вам ещё мой паспорт дать, чтобы вы зачитали им паспортные данные.

– Надо было, – согласилась я. – Куда идём?

– Выбирайте.

– Что выбирать? Сторону света?

– Дверь.

– Что?

Дима махнул рукой на освещённые тусклой лампочкой покрашенные синей краской двери.

– Это что, какой-то ритуал? – спросила я подозрительно. А если он всё-таки какой-нибудь... Синий Борода и держит за этими дверями наивных, размякших на южном солнце туристов? Ведь кроме нас в доме никого... хотя вон же, за распахнутой дверью, смеются люди, кричат дети...

– Можно сказать и так, – согласился Дима. – Показываю я, а выбираете вы. Ну, не робейте, Настя!

Я совершила ещё один круг почёта по небольшому холлу, честно приглядываясь к дверям. Различались они только степенью отколупанности краски и ручками. Господи, ну что ещё за игры!

– Вот эта, – ткнула в третью по счёту. Надеюсь, не туалетную.

– Эта, – повторил Дима.

Я посторожилась, с подозрением наблюдая, как он подошёл и взялся за расшатанную ручку-скобу. Когда я пришла сюда, все двери были заперты, я каждую подёрнула. Дима сосредоточенно смотрел перед собой, словно прислушиваясь. Лицо его стало напряжённым, почти осунувшимся от непонятого усилия. Что-то еле щёлкнуло – с той стороны.

Опять эта его яркая улыбка – точно вспышка в тусклом свете холла.

– Отличный выбор, мадам!

Дима распахнул дверь, и волосы мне шевельнуло влажным порывом ветра. Я сделала шаг, ещё шаг, переступила порог...

Пересекла границу.

Под ногами – плиты набережной. Море, звёзды, далёкие огни фонарей... смех внизу, на пляже.

Я оглянулась. Дима стоял рядом, дверь за его спиной – металлическая, еле различимая в темноте в крутом склоне холма. Но ведь море же... море же осталось далеко, совсем в другой стороне... и где... где дом?

Дима смотрел на меня, слегка склонив голову, точно выслушивая все мои незадаанные вопросы и предположения.

Повторил негромко:

– Хороший выбор. Твой выбор, Настя. Пройдёмся?

Мы шли по длинной и тёплой набережной... плиты под ногами реальны... смотрели, как внизу, на песке танцует пёстрая весёлая толпа...

рука, поддерживающая мой локоть, реальна... свернули на идущую вверх мощёную булыжниками улочку с коваными старинными фонарями, побрели по тихому сонному городу, заглядывая в тепло светящиеся окна... Реально, реально, всё реально.

Дима проводил меня до дому.

– Придёшь завтра?

– Приду.

Быстрое прикосновение к руке, улыбка, эхо удаляющихся шагов. Под фонарём уверенно кружилась мошкара. Всё, всё реально.

Сон, поняла я, проснувшись.

Сон, отмахивалась во время трудового дня от наплывающих воспоминаний.

Сон, твердила упрямо, подходя к «крепости».

И только увидев улыбку Димы, поняла, что сном было не всё. И он при виде меня, кажется, вздохнул с облегчением – неужели тоже думал, что я ему приморочилась?

Заказчики были деловиты, но снисходительны: на сегодня хватит, мы всё понимаем, море, солнце, бегите, развлекайтесь, отдыхайте... Крутите романы, добавляли они про себя.

Роман закрутился. Правда, даже не знаю, с кем – с Димой? С городом?

Я открывала – выбирала – дверь за дверью.

Часы на высокой башне. Старая ратуша. Солнце бросает разноцветные брызги в стекла витражей.

– Дим, этот город... он вообще существует?

– Конечно существует.

– На самом деле?

Плывущие по реке гондолы – по реке или всё-таки по небу? Звёзды вверху и внизу одинаково яркие и золотистые... Одинаково влажно мерцают.

– На самом деле. Наши воспоминания...

Лабиринт узких мощёных булыжником улиц. Эхо наших шагов. Крепостной зубец над густо-синим морем.

– Сны...

Фонтаны. Целая улица фонтанов. Недействующие, с накиданными на дно монетками на счастье. Работающие: перья воды; прозрачные потоки, текущие по разноцветным плитам; сплетающиеся струи, танцующие, играющие с высотой, цветом. И с нами.

– Наши мечты...

Когда я выбрала заколоченную дверь на второй этаж, Дима впервые меня поцеловал.

Не там, конечно.

Мы шагнули из двери на террасу: город раскинулся перед нами в бархатной шкатулке ночи, точно сверкающий драгоценный камень; было непонятно, где он переходит в море, где море прорастает в небо.

– Как красиво!

Дима казался таким же замороженным, как я. Во всяком случае, он долго смотрел, стоя со мной рука об руку. А потом повернулся ко мне и сказал серьёзно:

– Спасибо.

– За что? Это же твой город?

– Без тебя я здесь никогда не был. Ты мне это показала. Так что это теперь и твой город.

И поцеловал меня.

Он же первый напомнил мне об отъезде:

– Не уезжай.

Был пятый день в городе. Мы лежали у моря – плиты, накопившие солнечное тепло, щедро делились им на закате.

– Не уеду пока, – лениво отозвалась я. – Ещё целых три дня.

Дима молчал долго.

А на прощание повторил:

– Не уезжай.

Ехать, действительно, особой необходимости не было, можно было созвониться, выпросить отпуск...

Но я неожиданно очнулась. Откуда-то появилось странное ощущение, что каждый раз, когда я выбираю дверь, я оставляю за ней кусочек себя. Сияющий драгоценный кусочек то ли души, то ли чувств, то ли старого увлекательного сна. Дима делился со мной, но ведь и я делилась с ним: может, мечтами, может, собой? А вдруг однажды окажется, что я осталась здесь вся, без остатка, что я никогда уже не стану целой и не смогу жить... без Города? Без Димы?

Слишком быстро, слишком много. Слишком серьёзно.

Я запаниковала.

Надо уехать – хотя бы на время.

Понять, разобраться.

А он открывал и открывал передо мной новые двери. И уже не просил – просто смотрел на меня, как будто запоминал. Как будто прощался.

Словно я умирала – день за днём.

Это очень раздражало: ведь между нами же всего сутки на поезде, я буду приезжать...

Он качнул головой.

– Ты не приедешь.

– Не приеду, если ты так хочешь! – взвилась я.

В последний вечер он сидел на ступенях магазинчика. Ждал меня.

– Ну что? – неловко сказала я под его молчаливым взглядом. –

Прогуляемся напоследок?

Дима опустил глаза и поднялся. Сказал негромко – привычное:

– Выбериай.

– Вот эта.

Дима наклонил голову, словно прислушиваясь к тому, что происходит за дверью. Мне казалось, или он открывал двери всё с большим и большим трудом?

Оглянулся через плечо.

– Твой выбор, Настя.

И дёрнул ручку. Я вышла на свет и ошеломлённо застыла. Свет был серый. Серый, тусклый. Огромный пустой двор. Не пустой – заваленный мусором, битыми кирпичами, обвалившимися плитами. Дом всё ещё стоял, но крепость уже пала: тёмные провалы окон, серые плиты сорваны, под ними – бесстыдно обнажённые чёрные кирпичи – как уродливый шрам на лице от ожога. Дом сдался, потеряв свою сердцевину.

Я резко обернулась

– Что это?! Что случилось?

Дима неподвижно стоял в дверях единственной уцелевшей стены; с неба падал то ли серый снег, то ли пепел, припорошивал волосы сединой. Глаза его тоже казались серыми. Как будто вылиняли.

– Ты выбрала дверь, – сказал он негромко.

– Я ошиблась!

Я вбежала обратно, потянула за собой Диму: тот нехотя, тяжело поддался, точно не хотел уходить из разрушенного двора.

– Открой вот эту!

Тусклое низкое небо, море бьёт, подмывает набережную – бетон под ногами сотрясается и дрожит от мощных гневных ударов. Проржавевшие перила прогнуты и висят, поваленный фонарь макушкой-плафоном зарылся в песок пляжа. Впрочем, и пляжа-то считай нет – его проглотило море...

– Я ошиблась! – прокричала я сквозь рокот, Дима молча кивнул и первым шагнул за порог ржавой, повисшей на одной петле двери.

Я была беспощадна. Я заставляла открывать его всё новые и новые двери – и те, где мы с ним были вместе, и те, за которыми я побывать не успела.

Везде было одно и то же. Серость. Разрушение. Глухие промышленные стены без окон. Старые бараки. Заросшие крапивой остовы домов.

Наш город умирал.

Я не замечала, каких усилий всё это стоило Диме – пока не потребовала открыть двери, ведущие на второй этаж.

Дима прислонился к стене и качнул головой.

– Нет. Всё. Я больше не могу...

– А я – могу! – крикнула я в его серое при тусклом свете лицо, рванула на себя перекрещенные доски, створки дверей распахнулись вместе с ними. Я взлетела на второй этаж.

Под ногами скрипели осколки стекла, ныли старые, облезшие доски пола. Полуобрушившийся балкон. Затхлость. Пыль. Здесь никто не бывал уже очень давно.

Дима сидел на ступенях крыльца. Я спустилась к нему.

– И что, это – всё?

– Да. Всё. – Дима не повернул головы. – Магазин закрывается.

Он даже не обнял меня на прощание. Просто встал и ушёл, растворился в сладко пахнувшей южной ночи. Он не пришёл провожать меня на вокзал, хотя знал, во сколько уходит мой поезд. А мы ехали на север и, вопреки всем законам природы, нас встречала осень. Серая. Холодная. Промозглая.

Через пару недель я позвонила знакомым, попросила найти тот дом и магазинчик, передать хозяину мой телефон и адрес электронки. Дом они нашли, но дверь оказалась приколочена к косякам, наглухо.

А магазин, по словам жильцов, не работает уже давным-давно...

Никто из старожилов не помнил такого холодного лета.

В июне желтели и падали листья.

В июле пошёл снег.

Я люблю старые городские дома. Я всё ещё разговариваю с ними. Но часто щекочет сердце и память воспоминание – о том, что я видела когда-то. Где-то. Скорее всего, во сне.

Дежавю называется...

А ещё я сегодня увидела идущую по коридору офиса кошку. Кошка была обычной, городской, обычного же пятнистого окраса. Независимо подняв хвост, она прошествовала вдоль стены и исчезла за неприметной дверью. Я ошаршила своего важного собеседника тем, что повернулась к нему спиной и устремилась вслед за кошкой.

Шаг. Ещё шаг. Коснуться ручки, медленно повернуть...

Швабры.

Тряпки.

Ведро.

Кошка, недовольная тем, что обнаружили её маленькое убежище, вопросительно мяукнула. Я прикрыла дверь и повернулась к прерванному на полуслове собеседнику, изобразив на лице улыбку. Надеюсь, ослепительную.

– Извините, так на чём мы остановились?

Но знаете, что?

Я теперь всегда буду открывать двери. Может быть, однажды, я выберу, найду ту, и увижу часы на тающей в ясном небе высокой башне, и зубец дома-крепости. Услышу шум моря.

И темноволосый мужчина вскинет голову и блеснёт мне навстречу яркой улыбкой.

Надо только выбрать.

Условный рефлекс

Человек – мера всех вещей?

Протагор

– Здравствуйте, уважаемые гости! Мы рады приветствовать вас в Центре Соприкосновения с Природой! Вы выбрали для отдыха лучшее из возможных путешествий. Мы гарантируем вам массу впечатлений и полную безопасность!

Меня зовут Натани, и я буду вашим проводником по Коридору следующие два часа. Оставьте в холле все колющие, режущие, тяжёлые предметы... Разбейтесь на пары... Во время путешествия запрещено приближаться к стенам Коридора и меняться местами со своими спутниками... Не секрет, что Внешний Мир с трудом выносит присутствие на его территории человека. Он быстро реагирует на любое изменение в нашем поведении. И хотя эта прогулка практически безопасна, пренебрегать правилами всё же не следует. Поверьте, мы только стремимся уберечь вас от возможных неприятностей.

... Ну что, вы готовы? Тогда, прошу за мной!

– Но Вау, а вдруг они нас заметят?

– Не бойся, Урроу, стены этой пещеры прочнее камня. Пока они там, они не опасны нам и нашему миру.

– ...Ширина Коридора в любой его точке равна восьми метрам. Сверхпрочное стекло, из которого он построен, благодаря необычной тонкости, практически незаметно и создаёт ощущение полного контакта с Внешним Миром. Прозрачный потолок Коридора познакомит вас с эффектом «открытого неба». При этом могу вас заверить, стекло не подвержено механическому, химическому, бактериологическому, термическому, радиационному и другим видам воздействий. Так что вам не нужно беспокоиться за своё здоровье и слишком бурно реагировать на (очень редкие, заметьте!) попытки Внешнего Мира проникнуть к нам. Нет, молодой человек, история о том, как в прошлом году буйвол проломил стену Коридора и растоптал двух посетителей, является чистой воды выдумкой антинатуралистов, которые требуют закрытия экскурсионных Центров, подобных нашему. Да, леди, некоторые утверждают, что Внешний Мир пагубно влияет на душу человека, возрождает в нём древние инстинкты охотника-убийцы. Наверное, ни один из этих противников Природы просто ни разу не был в Коридоре. Подобная красота не может растлять... Надеюсь, после нашей прогулки вы со мной согласитесь.

– Смотр-ри, смотр-ри, выходят!

– А ты, что, сомневался? Сегодняшний день ничем не хуже предыдущих.

– Похожи на обезьянок. Такие забавные, почти без шер-рсти... Им не холодно?

– Почему я знаю? Нет, наверное.

– Итак, начнём с азов – для тех, кто никогда раньше этим не интересовался. Голубой прозрачный купол над нашими головами называется «небо», яркий жёлтый шарик в нём – «солнце» (от него, кстати, мы до сих пор черпаем почти дармовую энергию), пространство, через которое проложен данный участок Коридора, – «африканская саванна». Вам повезло – сегодня во Внешнем Мире ясная солнечная погода...

– До сих пор-р не могу пр-ривыкнуть к мысли, что это – наш самый стр-рашный враг. Они кажутся такими безобидными.

– Глупый Урроу! Помнишь, что говорил нам Па? Что они умеют **притворяться** беззащитными, но стоит только дать им волю... Люди – как лихорадка, которая приходит внезапно и забирает всех подряд.

– Саванна простирается вокруг нас на многие километры. Мир её сложен и богат одновременно. Здесь ценятся сила, ловкость, скорость и хитрость.

Царём саванны традиционно считается лев. Он обладает всеми перечисленными мною качествами, и потому не удивительно, что на протяжении многих столетий удерживает за собой этот титул.

– Но может тогда, Вау, нашим пр-редкам следовало уничтожить их всех?

– Урроу, Урроу! Дурра-ау-чок! И в кого ты такой невнимательный? Нам ведь это рассказывали на уроках! Равновесие нельзя нарушать!

– Пара, играющая в траве справа от нас, – всего лишь детёныши. Им нет ещё и года, но они уже чувствуют себя здесь хозяевами. ...Обратите внимание на шерсть, покрывающую их головы. Такая грива есть только у самцов. С возрастом она становится более густой и длинной, что придаёт львам величественность и красоту...

– Ау-у! Прекрати! Ты же знаешь, что я вывернул лапу вчера на охоте!

– А ты не др-разни меня, Вау! То, что ты р-родился пер-рвым, ещё ничего не значит!

– Ладно, ладно! Слезь с меня, Урроу! Нашёл время для драки! Люди смотрят!

– Прошу вас не задерживаться... Впереди ещё много интересного... Антилопы, жирафы, возможно даже...

– Мы пойдём за ними?

– Пойдём, если хочешь. Только не забудь, Ма велела вернуться **до** начала охоты, а не после, как ты сделал в прошлый раз.

– У-ур-р! Ты ведь тоже был с нами, Вау, а попало мне одному! Почему?

– Мы будем выяснять это прямо сейчас, Урроу?

– ...О! А это, несомненно, сюрприз! Слева, у деревьев, отдыхает семья слонов. Редкое невероятно красивое зрелище. Наши предки истребили их почти полностью в погоне за ценной слоновьей костью. Похоже, сейчас их численность постепенно восстанавливается...

– Ты же знаешь, Урроу, что в мире всё связано. Если бы человек был не нужен, он никогда бы не появился на свет... Понимаешь? Не в нашей власти решать, кому жить здесь, а кому нет.

– Понимаю, Вау.

– Мы только приучили людей не соваться в нашу жизнь...

– Смотр-ри! Они напр-равляются к р-реке!

– Тропа не меняется... Хорошо! Я хочу пить.

– Это крокодилы, мадам. Из их кожи когда-то делали великолепную обувь. Да, они съедобны, молодой человек, но, я полагаю, вы понимаете, что подобную мысль лучше сразу выбросить из головы! Ради собственного блага, прошу вас ограничиться синтетическим мясом.

Львы? Да, возможно, они преследуют нас. Мы похожи на обезьян, а значит, на законную добычу. Лев, как и любое другое животное, наделён не разумом, а набором рефлексов, которые он приобретает при рождении и потом пополняет на протяжении всей своей жизни. Его инстинкты не распространяются дальше охоты и размножения. Не волнуйтесь, нам они не опасны. Повторяю, Коридор надёжно защищён от любого вторжения.

...Этот поворот означает, что наше путешествие подходит к концу. Мы будем в Центре через тридцать минут.

...Надеемся увидеть вас снова!

– Каждый день... по одной и той же тр-ропе... как мур-раши... Почему? Р-разве они не р-разумны?

– Рефлекс. А рефлексы, знаешь ли, великая вещь...

Евгений ГРЕП

Такая работа

Ночь, звёздное небо, дорога...

– Пост-три, Пост-три... – зашипел передатчик.

Человек, лежащий в кустах, отложил надкусанный бутерброд.

– Здесь Пост-три...

– Пост-три, приготовьтесь, они направляются к вам!..

– Вас понял!..

Человек надвинул маску на лицо, улёгся, поудобнее раскинув ноги, бровь ткнулась в резиновый наконечник прицела. Мир сразу позеленел.

Ночной ветерок принёс со стороны дороги чуть слышное поскрипывание... Палец коснулся спускового крючка, погладил его. Сердце учащённо забилося – человек с трудом унял свои нервы и опять глянул в перекрестье... «Нельзя промахнуться... Они двигаются быстро –

у меня будет пять секунд... Пост-два поторопился и промахнулся два раза... Кто там сейчас? Грэг?.. У него твёрдая рука...»

Цели появилась в перекрестье. Целую секунду он мучался – первая или вторая... Потом две секунды на прицеливание... Винтовка чуть слышно хлопнула.

Потом сердце остановилось на целых три секунды, пока не прозвучало:

– Пост-три, попадание подтверждаем, цель номер два поражена... Пост-четыре и пост-пять – отбой...

С облегчённым вздохом человек перевернулся на спину. На дороге постепенно затихал тихий скрип...

На пять минут позже, подземный бункер, следящая...

Точка появилась на радаре... Оператор сделал увеличение – карта медленно наплыла. Зелёная точка двигалась вдоль полосы дороги.

– Здесь следящая! Цель движется по дороге к реке...

– Переориентируйте на слежение второй спутник!

Пальцы оператора пробежались по клавиатуре...

Где-то на орбите ожил и заработал двигателями большой кусок железа, набитый высокими технологиями...

– Внимание, здесь группа зачистки! Есть проблемы!..

– Группа зачистки, что у вас?

– Дерево, сэр! Большое... Мы можем его подорвать, однако взрыв будет услышан... Тягач подойдет через две минуты, но это будет уже поздно...

В наушниках молчали несколько драгоценных секунд, принимая решение...

– Следящая? Есть поблизости военный спутник?

– Есть сэр! Спутник NASA, цель по умолчанию – ракетная база под Красноярском, вооружение – лазерная установка, тактико-технические характеристики...

– Отставить!.. Уничтожить препятствие! Группа зачистки!..

– Вас понял сэр!.. Даю наводку...

– Здесь следящая! Цель номер три, неподвижная, захвачена... Спутник переориентирован... Идёт отсчёт...

Минутой позже, дорога к реке...

Яркая вспышка на миг осветила дорогу. И тут же закипела работа – молчаливые тени сновали туда-сюда, засыпая воронку. Командир группы зачистки неожиданно замер, вслушиваясь в ночные звуки... Вот его ухо уловило чуть слышный скрип.

– Отходим! – и тени стали одна за другой исчезать в придорожных кустах.

Последним уходил командир, разбрызгивая из баллончика освежитель воздуха, уничтожая запах горелого дерева.

Скрип приближался...

Из-за облаков вышла луна и залила дорогу мертвенным светом. Именно тогда в полном молчании мимо проехали двое на велосипеде.

«Будто призраки!» – подумал командир...

Ещё через полминуты радио донесло:

– Цель проследовала пост-пять...

Минутой позже, бункер, командный центр...

Командор, неожиданно постаревший на много-много лет, сгорбился в кресле. По экрану ползла зелёная точка... Два помощника вели радиопереговоры...

– Господин командор!..

Командор медленно поднял усталые глаза.

– Получены результаты инфракрасной съёмки... Вывести на экран?

Подбородок медленно опустился, потом поднялся.

Зелёную точку сменяет изображение. Много красного, будто и не голова это вовсе, а экспонат для медицинского института.

Указка помощника упирается в экран.

– Господин командор, необходимый эффект достигнут... Эксперты оценивают данную температурную флуктуацию, по классу «сильный румянец».

– В прошлый раз они тоже так оценивали, – пробормотал командор.

– Господин командор, разница в два градуса!..

«Пора или не пора? – подумал командор. – Если упустим момент, то не успеем, как в прошлый раз, а если поторопимся, то не сможем правильно рассчитать...» Он представил, как томится сейчас в кабине поднятый по тревоге космонавт...

А началось всё час назад с перехваченного телефонного звонка...

– Господин командор!..

Опять усталый взгляд.

– Минуту назад установленным на цели-один датчиком зарегистрировано общение между целями...

– Да?.. Выводите...

Динамики зашипели. Командор постарался себе представить ночную дорогу, деревья, ветерок...

«Свет, тебе удобно?...»

«Мм...»

Шипение прекратилось.

«Пора или не пора?»

– Господин командор! До берега реки осталось двенадцать минут...

«Пора!» – решил командор и потянулся к микрофону...

Десять секунд спустя, кабина трехступенчатой ракеты.

– Внимание, Сокол-один, получена команда на старт!..

Лейтенант очнулся от лёгкой дрёмы, опустил щиток шлема и ответил:

– Вас понял, к полёту готов...

Потом стал щёлкать тумблерами и подтверждать показание приборов...

Постепенно нарастал вибрирующий гул...

Через три минуты ракета оторвалась от земли.

Придавленный перегрузками лейтенант считал секунды...

– Первая ступень отделилась успешно...

«Интересно, – думал лейтенант, – я только мотаюсь туда и обратно...

А на самом деле исполняю очень важную работу... Если не я, то кто же это делает?»

– Вторая ступень отделилась успешно...

«Удачи!» – лейтенант пожелал это не себе, а тем, кто внизу, на земле, приближался к берегу реки.

Пять минут спустя, командный центр.

– Господин командор, цель вышла к реке!

– Что Сокол?

– На орбите!

На экране был берег реки, в траве лежал велосипед, двое сидели близко друг к другу. Слежение вели пять наземных камер и два спутника, разговор записывался...

– Господин командор, они замолчали!..

«Самое время! – подумал командор. – Пора запускать...»

– Господин командор, у нас проблемы!..

Зашипели динамики.

«Сокол-один, повторите последнюю операцию».

«Здесь Сокол-один, не отсоединился захват...»

«Сокол-один, у вас в запасе полторы минуты! Попробуйте вручную!..»

«Здесь Сокол-один, не успеваю!..»

Командор взял микрофон.

– Здесь Первый... Сынок, их судьба в твоих руках...

Двенадцать секунд Сокол-один молчал, потом ответил:

– Первый, вас понял...

Ещё через пять секунд динамики донесли:

«Первый, здесь следящая! Сокол запустил двигатели! Спускаемый аппарат двигается!..»

Командор опустил голову и глухо пробормотал:

– Когда Сокол войдет в атмосферу – зажигайте...

– Не понял, господин командор... – помощник удивлённо поднял брови.

– Исполняйте!..

– Есть!..

Двадцать секунд спустя, кабина спускаемого аппарата.

Поверхность Земли заняла весь экран.

«Ведь ради этого мы и стараемся? – думал лейтенант. – Это будет красиво...»

Он сложил руки на груди и постарался себе представить то, что уже не увидит...

«Пять секунд до зажигания!» – прошипели наушники.

Аппарат вошел в атмосферу...

«Четыре, три, два, один...»

Лейтенант закрыл глаза и обнял весь мир...

«Зажигание!..»

Десять секунд раньше, берег реки.

Разговор почему-то зашёл в тупик. Возникла неловкая пауза...

«Может, я не должен был... – думал он. – С другой стороны, она пошла со мной... Я сейчас! Я сейчас!..»

Он решительно повернулся:

– Света, я!..

– Смотри... – прошептала она. – Звезда падает...

Звёздное небо чертил метеор...

Им стало необъяснимо хорошо...

– Загадаем желание? – спросил он и обнял её за плечи...

Пять секунд спустя, следящая.

Пискнул сигнал, оператор, не веря, прижал наушник. На экране вспыхнули буквы: «Я хочу, чтобы эта ночь не кончалась!..»

Опять запищал сигнал, второй оператор тоже схватился за наушник, потом повернул к первому экран.

«Я хочу, чтобы эта ночь не кончалась!..»

– Дубль? – шёпотом спросил первый оператор.

– Да!.. – так же шёпотом подтвердил второй. – У нас получилось!

Конец, командный центр.

Командор поднимался в лифте.

В бункере царило всеобщее ликование. А командору вдруг стало грустно... Он снял фуражку и вышел. Теперь лифт вез его наружу...

Командор думал о Соколе... О той парочке на берегу... О себе...

Лифт остановился, затем, помедлив, распахнул двери. Командор вышел, расправил крылья и полетел, вздыхая.

Ведь как раньше всё было просто – лук да стрелы... А сейчас...

Надежда КАЛАШНИКОВА

Шахматы

Игра. Сколько она продолжается? Час, два, сутки? Счёт времени потерян. На шахматном поле застыли лишь три оставшиеся фигуры – Белый Король, Чёрный Король и Чёрная Королева.

..Больше никого не осталось. Нет уже Белой Королевы – обманчиво милой, беспощадной по сути. Её загнали в угол, и ничем не мог помочь Белый Офицер, до того дважды прикрывавший Королеву собой. Он лишь до крови закусил губу, когда обезглавленное тело летело за край доски. Через три хода за край упал и сам Офицер, а его напарник согласился на честный размен ещё в самом начале Игры.

Чёрный Офицер держался дольше, переживя обоих Белых Офицеров, чем заслужил благосклонный кивок своего Короля. Но, разогнавшись, он пошёл в атаку на Белого Короля – и был сражён обычной Пешкой. Её смешной хвостик так забавно топорщился, когда она бросилась на защиту Короля, – а серые глаза её почему-то улыбались, словно умирать было совсем не страшно. Разозлившись за промах, Чёрный Король отправил Коней проучить глупых Пешек, и сразу три из них поплатились жизнью за жизнь Чёрного Офицера.

Не отставал и Белый Король от своего противника, нанося точные и выверенные удары по тщательно сплетённой, как паутина, защите. Они стояли друг друга, одинаково просчитывая ходы – и одинаково преподнося сюрпризы.

Но Чёрному Королю улыбнулась удача: он сумел сохранить одну Пешку. И, что ещё важнее, сумел провести её сквозь всё поле – и подарить корону. Белый Король остался совсем один. Конец игры близок, и финал её прозрачен – Белый Король уже вынужден отступить к краю доски...

Взгляд Королевы затуманен: силки расставлены, добыча бьётся в тенётах, петля на горле, на бьющейся голубой жилке уже захлестнута. Осталось лишь крепче затянуть... и ловить на рваном выдохе медленно исчезающую, столь непокорную и неуправляемую жизнь...

Нога в изящной туфельке поднимается для решающего шага – и внезапно застывает в воздухе.

Некуда шагать.

Взгляд из опьянённого мгновенно превращается в хищный, цепко оглядывающий маленький участок поля. Мысли вспыхивают одна за другой искорками. Но мозг бесстрастно констатирует: шагать некуда.

Два хода. Теоретически. Практически – ни одного.

Королева оборачивается к Чёрному Королю. Тот скучающе смотрит в сторону, словно ждёт, когда же, наконец, закончится эта ставшая скучной игра и можно будет идти домой пить чай. Зелёный, с жасмином.

Но хода нет слишком долго, и он нехотя поворачивается с раздражённым видом, словно рядом с ним не грозная Королева, а всё та же прежняя жалкая Пешка. Бровь его чуть изгибается, когда он видит застывшую в нелепой позе соратницу и противника, стоящего на краю доски с невозмутимым видом.

Чёрный Король опускает взгляд на три квадрата, что окружают Белого Короля – и чувствует резкую нехватку воздуха. Ему хватает доли секунды, чтобы оценить положение, но... как?! Как они могли просмотреть, прошляпить... так позорно, почти по-детски *зевнуть*?..

Белый Король скрещивает руки на груди и склоняет голову набок. Он по-прежнему спокоен, лишь на дне серо-голубых глаз просвечивает торжество победителя.

Он победил. Он не поставил ногу на грудь противника – и не обагрив клинок алой кровью, льющейся сквозь чёрные доспехи. Но он не дал победить себя – а именно об этом грезил Чёрный Король во сне и наяву.

Королева переводит взгляд с одного короля на другого – и чуть покачивается при этом. Сказывается напряжение полуторачасовой игры и азарта. Но она всё ещё не сделала шага. Ветер взметает подол чёрного платья, обнажая изящную лодыжку, перетянутую узким ремешком. Если бы не он, туфелька, пожалуй, уже слетела бы с замершей в четырёх дюймах от доски ступни. Но Королева всё ещё не может решиться, ибо шагнуть вперёд – смерть, а остаться на прежнем месте – поражение.

– Дьявол!.. Дьявол, дьявол!.. – Чёрный Король не выдерживает, и проклятья оглашают молчаливое поле. Скучающий вид исчез, уступив место нелепой в своём бессилии злости проигравшего.

Он проиграл. Его не пригвоздили к доске, не сбросили с неё. Его лишили возможности сбросить противника. Это даже не ничья, это пат, чёртов пат, когда ходить – некуда.

В ярости Чёрный Король топчет белую – белую! – клетку, на которой находится. Каблуки оставляют царапины на лакированной поверхности. Это не доска – это ненавистное спокойное лицо Белого Короля, искажённое мукой и мольбой о пощаде, в багровых кровоподтёках. Это сломанные рёбра, что врезаются в лёгкие, исторгая предсмертный хрип – и опять-таки мольбу о пощаде...

На настоящем, не из фантазий, лице Белого Короля медленно проступает улыбка. Так мать глядит на неразумное и капризное дитя: всё понимая – и не имея возможности и желания поступать иначе.

Улыбки противника Чёрный Король не переносит: с особо громким и красочным проклятьем он в два прыжка преодолевает отделявшие его от края клетки – и, взметнув полы чёрной мантии, словно птица Рух – крылья, срывается вниз. Крик его становится тише – и, наконец, тишина оглушает оставшихся на клетчатом поле.

Её нарушает негромкий стук опустившегося, наконец, каблука – на свою же клетку. Серо-голубые глаза разочарованно отворачиваются. Но тонкие руки взмываются вверх – и снимают тяжёлую корону.

Вновь налетевший ветер взлохмачивает и без того беспорядочную причёску ещё больше. Королева делает шаг вперёд – на клетку, соседнюю с Белым Королём, на верную смерть, хотя игра и окончена. И кладёт корону к его ногам.

Подёрнутые было льдом глаза теплеют, и улыбка – на сей раз искренняя, восхищённая – вновь трогает бледные губы.

– А вы умеете проигрывать, миледи, – произносит Король, и уважение в его голосе медленно перетекает в теплоту. Сцепленные, казалось, насмерть руки разъединяются.

Королева не двигается с места. Сейчас цепкие пальцы возьмутся за эфес меча, и её отрубленная голова покатится, смешно подпрыгивая, за край. Потом туда же отправится тело – она столько раз наблюдала этот нехитрый процесс за время игры! И хотя игра должна бы закончиться – Чёрного Короля нет, – но он ушёл против правил, глупо ждать их исполнения от его противника.

К тому же... Игра не кончена. Чёрная Королева это чувствует – всей кожей, так ярко, будто никакого платья на ней и нет.

...Сияющая серебром корона со звоном ударяется о доску и катится куда-то к центру поля. Король, чуть качнув обнажённой головой, делает шаг вперёд – к Королеве.

Ветер подхватывает подол чёрного платья и белой мантии, накладывает их друг на друга и нещадно треплет. На одной клетке совсем мало места для двух фигур.

Успевший попрощаться с жизнью взгляд обрушивается на Короля вновь за клубившимся азартом.

– А вы умеете играть, милорд, – констатирует Королева, и лёгкая улыбка трогает её губы. Как эхо улыбки, не сходящей с губ Короля.

Валерий Колотвин

Мир на холсте

Сны настигали его под утро. Настигали, как преследователь настигает жертву. Они терзали его душу, переворачивали всё его существо, эти рваные обрывки страшного бреда или прекрасной мечты. Нет, это были не просто сны, пусть даже яркие и цветные, нет, это были целые куски чьей-то жизни, смонтированные в необъяснимой последовательности. И так всё в них было объёмно, глубоко и до удивления реально, что он, подброшенный неистощимым зарядом эмоций, который они несли в себе, вскакивал с постели и бросался к мольберту. Работать! Работать! Работать! Он изматывал себя, выкладывался весь, до конца, пытаясь передать на грубой поверхности холста хотя бы осколок того прекрасного, что всё ещё жило и трепетало в нём. Всё в эти минуты было против него: и непослушная кисть, и краски с их блёклыми и такими ненатуральными тонами, но больше всего формы – расплывающиеся, непослушные, никак не желающие укладываться в те границы, которые он стремился им определить. Он боролся, ломал сопротивление материала, ломал с трудом, с болью, в каждом мазке оставляя кровь своего сердца, свои силы, свою жизнь. И материал отступал, ломался, подчинялся его воле. Но лишь на время. Всё начиналось сначала буквально через мгновения. Восторг удачи сменялся отчаянием. Злость, негодование охватывали его, и он снова бросался в бой, уже чувствуя, как силы покидают его, как подкашиваются ноги. Эта смертельная схватка кончалась только тогда, когда он уже валялся с ног, не в силах больше держать кисть в руках. Но и враг его, к тому времени тоже обессиленный, затихал. И он, добывая его, накладывал последний завершающий мазок, падал на подушку и проваливался в небытие. И только днём, проснувшись от яркого света или шума улиц большого города, он, боясь увидеть и разочароваться, не глядя подкрадывался к картине. На него, живой и реальный до мельчайших подробностей, благоухающий свежей, ещё не высохшей краской, глядел, глубоко врезанный в холст, огромный блистающий мир.

Люди в квадрате

Плоскость – что поле. Ни начала, ни конца. Взгляду не за что зацепится. Много километров вокруг – ни точки, ни линии. Некуда сесть. Зато, сколько хочешь, можно идти или бежать куда-нибудь и слушать, как в ушах свистит ветер. А за спиной не остаётся ничего. Даже следов порой.

Отряд, состоявший из четырёх человек, брёл в беспорядке. Три аккуратных квадратика и один горбатый треугольник уныло поглядывали на горизонт. Их покидали последние надежды увидеть там хоть что-нибудь. Старый У, морщась, чесал за ухом. Сколько будет продолжаться эта неопределённость? Есть ли в жизни смысл? Пора бы понять, куда и зачем они идут.

У чувствовал, что растёт недовольство и что его авторитет под угрозой. Ведь это он обещал людям счастье. А где его взять, если ничего нету? Если кругом – только среда, только дикая природа.

Природа создала людей, но забыла создать для них счастье.

Же потоптался, обескуражено глядя по сторонам, засучил рукава и стал неторопливо уплотнять материю. Из всех двумерных существ только люди способны уплотнять материю и делать различные предметы.

– Всё, мы пришли. – У сложил по бокам руки, он держался подчеркнуто невозмутимо.

Ка скосил на него недобрый взгляд.

– Уже? – удивился горбатый Эн.

– Да, – спокойно продолжал У. – Мы долго шли и поняли, что природа создала людей, но забыла создать для них счастье. Значит, человек должен трудиться. Мы – homo quadratus. Мы должны создать свою цивилизацию. Мы сами должны стать счастливыми.

Трое настороженно смотрели ему в лицо.

– Что же нам делать? – спросил Же.

У прищурился.

– Надо строить квадрат. Только в квадрате мы будем счастливы. Потому что мы будем трудиться и каждому достанется по равному углу, а не так как в параллелограмме. Квадрат – правильная геометрическая фигура. Только в квадрате возможны справедливость и счастье!

Лица засветились улыбками.

– Верно! – поддержал Ка.

Квадрат построили быстро, на одном энтузиазме. Несколько дней торжествовали и кричали «Ура! У «Ура!» не кричал. Через три дня перестал кричать Ка. Потом – Же. Ещё через два дня Эн уgomонился.

Люди сидели в своих углах. В квадрате было тихо. Только мухи звенели. Эн ворочался с боку на бок, да Же уплотнял материю, мастерил прямую, ломал её, снова делал и этим производил шум. Ка несколько раз выходил из квадрата, но вскоре возвращался хмурый, озлобленный. У задумчиво смотрел в плотную сторону.

– Мы построили счастливый мир, – из угла вздохнул Эн. – А почему так грустно?

– А ты займись чем-нибудь, – посоветовал Же, ломая очередную прямую.

– Да, – произнёс У. – Мы остановились на достигнутом. А так нельзя.

– А что делать? – спросил Эн.

– Надо утолщать стороны, – решительно сказал У.

– Снаружи! – поддержал Ка.

Ещё несколько дней с энтузиазмом утолщали стороны. Через неделю энтузиазм иссяк.

– На работу! – как обычно утром скомандовал У.

Но никто не пошевелился.

– А зачем утолщать стороны? – вызывающе спросил Ка.

– Счастье должно быть прочным, – твёрдо сказал У.

– Но стороны и так уже шире, чем сам квадрат, – зло возразил Ка.

– А я знаю, – сказал Эн. – Надо построить диагональ.

– Старо, – пробормотал Же. – Квадрат разбивается на два равных прямоугольных треугольника.

– Квадрат с диагональю будет несправедливым, – заявил У. – Потому что в нём будет шесть неравных углов!

– Тогда надо построить две диагонали, – перебил Эн. – В квадрате получится четыре одинаковых треугольника, и каждому из нас достанется по три равных угла. Три угла больше, чем один!

– Это справедливо, – согласился У.

Построили диагонали с узкими дверями в смежные треугольники. Стало совсем тоскливо. Раньше хоть друг друга видели. А теперь куда ни посмотришь – серые стороны. И за стороной – тихо. Высунется кто-нибудь в дверь:

– Ну, как дела?

– Никак.

– И у меня также.

Тогда в своём тесном треугольнике У провёл собрание.

– Пусть каждый из точки пересечения диагоналей построит высоту, – сказал он. – Тогда каждый будет иметь по два треугольника. Два треугольника лучше, чем один.

Высоты построили, только радостнее не стало. Протиснешься из одного треугольника в другой, откроешь дверь в следующий – а там никого.

Случайно встретились все четверо за углом квадрата.

– Мы же культурные люди! Надо заняться благоустройством, – сказал У. – Да и селекторную связь не мешало бы наладить.

Построили водопровод, видеотелефон. Щёлкнешь клавишей – появляется изображение соседа в углу.

– Чем занимаешься?

– Сижу, а ты?

– Тоже сижу.

От непомерного сидения у Ка вырос животик, углы притупились, и он стал похожим на кружок.

– Давайте развивать науку. Надо измерить, во сколько раз диагональ квадрата больше его стороны, – сказал однажды У.

– Зачем? – проворчал Ка.

– Чтобы знать, – убеждённо ответил У.

Долго измеряли диагонали и стороны. Выяснили, что они несоизмеримы, то есть, что диагональ больше стороны в корень из двух раз. Попутно открыли, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Да, тут было над чем задуматься.

– Ну и что? – зло спросил Ка.

У смотрел в серую сторону, в его глазах чернела глубокая тоска. Же сидел задумчивый. Перед ним стояли маленькие пустые, бессмысленные квадратики.

– Я знаю, – по селектору объявил Эн. – Надо построить квадрат в больших масштабах.

– Правильно, – сказал У. – В большом квадрате нам не будет тесно.

Построили большой квадрат, в котором тотчас воцарилась гнетущая тишина.

– Теперь надо строить диагонали, – робко сказал из угла Эн.

– Зачем тебе диагонали? – сурово спросил Же. – Тебе что угла мало? Жить слишком хорошо стал!

– Надо вычислить число корень из двух с точностью до двадцати десятичных знаков, – сказал У.

– А на какой чёрт это нужно?! – вспылил Ка.

– Надо построить два квадрата, – сказал Эн. – А в каждом квадрате диагональ.

– Нет, – вздохнул Же. – Насчёт квадрата уже всё понятно. Плохо в нём жить.

– Надоело, – выронил Ка. – Скучно.

– Нам скучно, потому что мы не веселимся, – сказал Эн.

– А с чего веселится-то? – усмехнулся Же.

– Надо сочинять стихи, – сказал У.

– Пожалуйста, – отозвался Ка. – Я сижу в квадрате. Ура! Всё.

– А где же рифма? – недоумевая, спросил У.

– А у меня белый стих, – заявил Ка. – А если разобраться, то, может быть, даже верлибр.

– Да, – согласился У. – Это выдающееся произведение современности, отражающее самую суть сегодняшней жизни.

– Квадратная поэзия квадратной жизни... .

– Бросьте вы свои плоские шуточки!

– Придумал! – воскликнул Эн. – Надо ходить друг к другу в гости!

Же отвернулся.

– Чур, я первым пойду в гости, – Эн торопливо выбрался из своего угла и подплыл к Ка. – Привет, дружище!

– А почему именно ко мне надо идти в гости?! – вскипел Ка. – Что я, хуже других, что ли?!

– Но ходить в гости – это хорошо, – наставительно сказал У.

– Ему, может быть, и хорошо! – заорал Ка. – А я его не приглашал! Тоже мне, гость нашёлся! У самого кроме прямого угла ни хрена нету!

– Я же хотел, как лучше, – обиженно проговорил Эн, возвращаясь.

У открыл узкую дверь, вышел из квадрата. Кругом простиралась чистая плоскость. *Tabula rasa*. Простор для философии. У поседел, лицо его осунулось. Квадратная тема готова была свести его в могилу. Он посмотрел на чистый горизонт. Что там? Есть там хоть что-нибудь? Или ничего нету? Неопределенность. Это она мешает быть счастливыми. А квадрат – определенная геометрическая фигура. Правильная фигура! Только в квадрате возможно счастье!

У вернулся в квадрат.

Ка спрятал недобрый взгляд, Же хмуро ковырял сторону, Эн плевал на неуплотнённую материю и следил, как растворяются его плевки.

– Тунеядцы, – проворчал У.

Он прошёл было в свой угол, но потом вернулся на середину.

– Надо утолщать стороны. За работу!

Петр БУРМИН

Мощность звездолета: две человеческие силы

(Из цикла «Истории, рассказанные навигатором ВИС ЛОТОМ»)

В ресторане «Волосы Вероники», находящемся неподалеку от космодрома, было, по обыкновению, многолюдно, хотя его кухня не отличалась особой изысканностью, а ампулы с газообразным спиртом тут не стоили дешевле, чем в прочих заведениях подобного толка. Стало быть, люди приходили в этот ресторанчик по какому-то иному поводу. Вполне возможно, что поводов было несколько. Поэтому мы не берёмся утверждать, что посетителей привлекала сюда перспектива повидать знаменитого космопроходца Вис Лота и послушать его истории, не знавшие себе равных. Тем более, что здешняя стряпня всё-таки вполне сносна... Мы уж не говорим о хорошеньких официантках, у которых могли быть поклонники...

Вис Лот ухитрился обмануть само время и пережить своих правнуков и праправнуков, хотя на вид ему было лет пятьдесят, не более. Он невелик ростом, подвижен; его квадратное лицо неизменно излучает добродушие.

– Вот что, ребята, – сказал он, разрезая сосиску на дольки, – больше вы не вытянете из меня ни единого слова... – и надолго умолк... Лишь после того, как содержимое тарелки перекечевало к нему в желудок, он, широко улыбаясь, добавил: – ...кроме, разумеется, вот этой историйки, что я выложу вам сию минуту. Речь пойдёт о двух человеческих силах,

которые помогли «Мезону» (в нём я летал первым навигатором) добраться до Церы, обитаемой разумными существами планеты, что находится в системе Альдебарана. Дело было так...

– Любопытно, – перебил рассказчика некий Сос Тот, единственный из завсегдатаев «Волос Вероники», кто позволял себе иронизировать над рассказами Вис Лота, за что последний частенько выпроваживал первого из ресторана. – Человеческая сила... что это – единица измерения, подобная лошадиной... или речь идет о сказочной так называемой «нечистой силе», с помощью которой гоголевский Вакула летал в царские палаты за черевичками для Оксаны?

Обычно Вис Лот игнорировал детали, грозящие увести в сторону его динамичное повествование.

– То и другое, Сос Тот, – на этот раз снизошёл он до ответа. – Удовлетворены? А теперь, дружище, пойдите посидите за дверью. Через часок-другой можете вернуться, если эта обжорка ещё не будет закрыта к тому времени. Только, чур, не подслушивать в замочную скважину...

О том, что два столетия назад стартовал «Мезон», вы наверняка читали в учебнике по истории космонавтики, – продолжал он, когда, повинувшись его настоянию, несчастный изгой покинул своё насиженное место в излюбленном ресторане. – В списке его экипажа значится и моё имя... Два столетия, – нерешительно повторил, словно не веря собственным словам. – Однако благодаря парадоксу времени, – тут его голос снова окреп, – о котором догадывался ещё старик Эйнштейн, мы постарели всего лет на двадцать-двадцать пять, не более. Нам удалось побывать на многих, не похожих одна на другую планетах; десятка два из них оказались обитаемыми, некоторые – даже разумными существами, достигшими известных успехов в технологическом отношении.

Когда программа исследований (она представляла собой внушительный перечень догадок и предположений, которые нужно было проверить в условиях космического полёта, столь протяжённого во времени и пространстве, как наш) была исчерпана, мы повернули обратно. Торопясь домой – должно быть, ностальгия, тоска по родному очагу лишила нас благоразумия, – мы выжимали из «Мезона» всё, что можно было выжать. И даже больше: путём чудовищного расходования топлива нам иногда удавалось разгонять космолёт до существующего в природе предела – скорости света. Это было легкомысленно, хотя и предусматривалось программой.

Запасы горючего между тем таяли. И катастрофически быстрее, чем мы предполагали. Реактор всё реже выплёскивал фотоны...

Наступил момент, когда тяга окончательно заглохла... И если мы ещё как-то двигались, то исключительно за счёт инерции, которая постепенно угасала. Вскоре корабль неподвижно повис в пространстве, не дотянув до упомянутой планеты каких-нибудь десять-пятнадцать миллионов километров. Сущие пустяки, верно?.. Но мы ничего не могли поделать...

Даже – воспользоваться радиостанцией, чтобы попросить о помощи, поскольку не имели лишней электроэнергии: какие-то крохи вырабатывали фотоэлементы, но их едва хватало для обогрева центральной рубки, где мы спасались от холода, завладевшего всеми остальными отсеками. Единственное, что нам оставалось, – это пассивное ожидание. Ожидание случайной встречи... которая может состояться слишком поздно.

И встреча состоялась.

Однажды, после трёх-четырёх недель прозябания, мы заметили нечто величиной с булавочную головку. Это нечто заметно перемещалось, и потому как оно росло в размерах, нетрудно было догадаться – в какую сторону. Спустя месяц – столь ничтожной была её скорость – булавочная головка превратилась в искусственное тело, представлявшее собой исполнинскую лейку по форме и космический корабль по содержанию.

Аппарат слегка светился. Было высказано предположение, что это явление происходит в результате столкновения частичек пыли вещества с антивеществом, из которого состоит обшивка инопланетянского звездолёта. Консервная банка, которую мы выбросили несколько дней назад и которая тотчас аннигилировала, едва она прикоснулась к чужаку, подтвердила нашу догадку.

От такого гостя лучше держаться подальше. Впрочем, и ему от нас – тоже. Однако, судя по всему, он этого не понимал... Вы догадываетесь, что я хочу сказать?... Да-да, он двигался прямо на нас, и это здорово действовало нам на нервы...

Прошло ещё некоторое время.

Инопланетянский корабль всё приближался; в то, что он пройдёт мимо, уже никто из нас не верил, похоже, нам с консервной банкой была уготована Провидением одна и та же участь.

Тогда, рискуя окоченеть от холода, мы отключили отопление, настроили радиостанцию и с помощью кослинга – кибернетического толмача при контактах – обратились к пришельцам. Те тотчас отозвались. Они сказали, что им известно о возможном столкновении аппаратов, равно как и о том, чем это грозит, но воспрепятствовать они не могут, поскольку находятся в положении, аналогичном нашему.

На этом первый сеанс с антимирянами завершился.

Тут рассказчик сделал паузу, и довольно продолжительную. Он потребовал новую порцию горячих сосисок. Официантка долго ждать себя не заставила.

Слушатели последовали его примеру; звон ампул, ножей и вилок свидетельствовали о том, что и они не теряли даром времени. Однако, в отличие от своих сотрапезников, Вис Лот довольствовался чаем, который, к слову сказать, он поглощал в большом количестве.

В конце концов, сосиски были съедены, чай выпит, а навигатор всё молчал. Публика заволновалась.

– Вис, вы язык проглотили, что ли? – осведомилось несколько голосов одновременно.

– Может быть, – нелюбезно бросил навигатор, затем поднялся со стула и в развалку, как подобает истинному космическому волку, направился к выходу.

Завсегдатаи ресторана «Волосы Вероники» ещё больше всполошились. Тоже повскакивали с мест.

– Мы вас проводим, Вис, – заявили они хором, дружно устремляясь за звездопроходцем. – Можете по дороге досказать свою историю, если торопитесь по неотложному делу...

– Будьте благоразумны, ребята, – сказал Вис Лот, останавливаясь и укоризненно качая головой. – Я только приглашу изгоя... Сос Тот, – позвал он, распахнув дверь. – Вы ещё здесь, дружище? Прошу тысячу извинений... Заходите. В другой раз я буду гнать взащей это почтенное общество, – кивнул он в сторону зала. – Оно породило вас и на этом основании должно нести ответственность за ваши дурные поступки.

– Итак, – продолжал он, – пространство, лежащее между нашим и антимирянским звездолетами, медленно, но неотвратимо сокращалось. В конце концов, нам стало ясно, что столкновения избежать не удастся. До гибели оставалось каких-нибудь сотни полторы метров. Через неделю, а то раньше, всё будет кончено... Как всё-таки тесен космос, если два мира, существующие на его полюсах, не могут сделать и шагу, чтобы не наступить друг другу на пятки!.. Но мы не сошли с ума; по-видимому, нас спасло от помешательства шоковое состояние или легкомыслие.

Наверняка, то же самое происходило и с теми, что находились по ту сторону этих роковых метров. Мы снова связались. На этот раз воспользовались видеофоном: прежде чем превратиться в излучение, нам хотелось увидеть, как выглядят наши партнеры по несчастью... Но сперва на меня посмотрите, – с этими словами он вышел из-за стола и потоптался на одном месте, держась за спинку стула. Затем снова сел. – Вот так примерно выглядели антимиряне, которые предстали перед нашими взорами. Я сказал «примерно», потому что они не были моими двойниками.

Мы долго молчали, изучая друг друга. Потом один из антимирян приблизился к экрану.

– Я капитан, – представился он. – Позвольте мне поговорить с коллегой с вашей стороны?

– Я вас слушаю, – отозвался Ум Сил, наш капитан, и помахал рукой, чтобы обратить на себя внимание.

Командир антимирянского звездолёта не терял даром времени.

– Надежды, что наши корабли разминутся сами собой, больше не существует, – сообщил он бесстрастно, словно судья приговор осуждённому на смерть.

– Это очевидно.

– Стало быть, только вмешательство может предотвратить катастрофу.

– И это очевидно, – повторил Ум Сил и безнадежно развёл руками. – Вам не кажется, что мы переливаем из пустого в порожнее?..

Но капитан антимирянского звездолёта думал иначе.

– Не кажется, – возразил он. – Выше голову, коллега. В качестве топлива для наших кораблей может сойти всё, что угодно... даже, – его глаза впелись в Ум Сила, – даже плоть членов наших экипажей...

– О чём вы?.. – не сразу понял Ум Сил. – Но это... жестоко... и бесчеловечно! – решительно запротестовал он, когда до его сознания дошел смысл сказанного антимирянцем.

Однако руководитель инопланетянского экипажа был неумолим.

– Это единственный выход из создавшейся ситуации, – объяснил он ледяным голосом. – Приняв моё предложение, вы потеряете девятую часть экипажа, отвергнув его, – полностью. Кстати, – продолжал он, – в качестве одного из компонентов топлива я предлагаю себя, вы, коллега, составите мне компанию. Итак, до встречи в аннигиляционной камере вашего звездолёта... Почему – вашего? Хотя бы потому, – сказал он в заключение, что я располагаю скафандром, противоаннигиляционная защита которого позволит мне осуществить упомянутую акцию. Ведь у вас, если мы правильно информированы, подобного снаряжения не имеется?..

Вис Лот снова помолчал. На этот раз он не заказывал сосисок, будучи противником всяческих излишеств. Всему виной была повидавшая виды деревянная трубка, которую навигатор извлёк откуда-то из-за пазухи и начал сосредоточенно её раскуривать.

Наконец трубка зачадилась.

– Капитан с инопланетянского летательного аппарата явился на «Мезон» только через трое условных суток. К тому времени расстояние между кораблями сократилось до нескольких метров; не приди он вовремя, всем нам была бы крышка...

Космонавты с Церы обнаружили нас спустя три месяца. Корабли – наш и антимирянский – получили топливо и – дай бог ноги... Так рады были встрече, что позабыли попрощаться друг с другом... при расставании.

Так мы потеряли нашего славного Ум Сила...

– Я выражаю вам наши запоздалые соболезнования, – посочувствовал Сос Тот. – И заодно – поздравляю. Или вы уже поздравили себя?

Вис Лот озадаченно посмотрел на Сос Тота.

– С чем я должен был себя поздравить? – уточнил он.

– Хотя бы с тем, что в драматический момент своей жизни вы оказались всего лишь навигатором.

Вис Лот еще раз раскурил погасшую трубку.

– Мне эта мысль не приходила тогда в голову, – сказал он, затягиваясь дымом. – Участь Ум Сила вызывала у меня не сочувствие, как вы подумали, Сос Тот, а зависть. Да-да, обыкновенную человеческую зависть. Больше того – я был бы самым счастливым существом во Вселенной, если бы... оказался на месте своего шефа: капитаном с антимирянского звездолёта была... ошеломляюще красивая женщина, чьи объятия, подобные вспышке сверхновой, стоили жизни здорового молодого мужчины, каким я был в ту пору...

Память металла

2005 год, где-то в западной Европе.

Красный экскурсионный автобус пыхтел, петляя по идеально ровным европейским дорогам. Большинство пассажиров спали после перелёта и утомительной таможенной мороки. Только двое на первом, за водительским, сиденье перешёптывались:

– Вы уже бывали раньше где-нибудь за границей? – спрашивала у своего соседа молодая симпатичная девушка с весёлыми светлыми кудряшками.

– Нет, когда мне, – пожал плечами молодой, крепкий, широкоплечий парень с коротко остриженной головой. – Я всё служил: то так, то по контракту.

– А сейчас? Контракт кончился?

– Один кончился, хотел уже подписать новый, да получил боевые, и Ванька уговорил сразу их потратить. «Езжай, – говорит, – посмотри, как нормальные люди живут».

– Ваш друг – агент турфирмы?

– Мой друг – пацифист! Всё пытается убедить меня бросить военную службу.

– И что, ему это удаётся? – лукаво сощурилась девушка.

– Какой там! – поморщился парень. – Сам не понимаю, зачем согласился шастать по музеям. Уж лучше бы сидел в расположении части. Всё просто и понятно.

– Рано делать выводы, – напомнила блондинка. – Мы ещё ни в одном музее не были! Вот доберёмся до замка, побродим среди древних камней, может, что и изменится.

– Кое-какие перемены просто не могут ждать так долго, – улыбнулся контрактник. – Нам с вами срочно нужно познакомиться! Меня зовут Андрей.

– Лена, – кокетливо улыбнулась девушка.

Каменные стены очень-очень старого средневекового замка не произвели на Андрея никакого впечатления:

– Развалины как развалины.

Внутри он и вовсе идти не хотел, нимало не интересуясь суровым бытом рыцарских времён. Ему хотелось только добраться до гостиницы и завалиться спать. Он равнодушно наблюдал, как экскурсовод азартно тыкала указкой в большие тёмные картины, затейливые канделябры, восхищённо указывала на нелепые железные доспехи. Она хорошо говорила по-русски, но туриста мало занимал её рассказ. Он маялся от скуки, контрактник даже постучал по круглому шлему одного из уморительно маленьких рыцарей. Гулкое эхо отозвалось под сводами

высоченного потолка. Кольчужная перчатка железного вояки опиралась на непомерно длинный для него ручной меч. Андрей не удержался, взялся за рукоять, поднял тяжёлое старинное оружие. Холодная рукоять удивительно удобно легла в ладонь...

...Средневековое сражение было страшно. Через щель забрала огромное поле боя казалось зажатым в узкой шахте, кишашей людскими телами. Ряды уже давно смешались, и воины разных стран, сошедшиеся в рукопашной, были неотличимы друг от друга. Только кое-где над людской массой гордо возвышались яркие полотнища знамен. Вокруг всё было коричневым от крови и грязи и серым в цвет стали доспехов и клинков. Весь закованный в железные доспехи рыцарь привстал в стременах, широко замахнулся мечом, едва успел заметить вражеского лучника, вставшего на одно колено и метившего снизу точно в открытое забрало. Рыцарь резко натянул поводья, поднял коня на дыбы. Защитив всадника, животное дрогнуло всем телом, осело на задние ноги... Стрела попала в незащищенное брюхо.

Закованный в доспехи рыцарь стал стремительно падать назад, вскинул руки, напрасно пытаясь удержать равновесие. Перед глазами скользнуло низкое серое осеннее небо. Он со всего маху грянулся о землю. Под голову попал большой камень, и жёсткий шлем не смягчил удар. Белый свет померк...

...Андрей даже головой потряс. Примерещится же такое! Кони, доспехи, чушь какая! Он засунул меч обратно в подставку. Приняв его движение за явный интерес, экскурсовод стала рассказывать:

– С этим оружием связана целая легенда. Местные жители нашли его в глубоком овраге, на дне пересохшего ручья. К тому времени в этих местах уже пару веков не было никаких сражений. Оставалось гадать, откуда там взялся этот меч, казалось, что владелец бросил его и уехал. Но такого просто быть не могло: исследование показало, что это оружие огромной стоимости, целое состояние для средневекового человека.

– Неужели кому-то охота возиться со старыми железками? – недоверчиво ухмыльнулся парень.

– Если б никто этим не занимался, – резонно заметила Лена, любящая собственным отражением в старинном зеркале, – нам бы сейчас не на что было бы посмотреть.

– Вот горе-то. Я бы уж точно пережил отсутствие этой старомодной рухляди.

Экскурсовод обернулась к ним, прижала палец к губам:

– Тихе, духи прошлого требуют уважения.

– За что их уважать? – тупо возмутился контрактник. – Их время давно прошло. Лучше бы привели нас в музей современных вооружений.

– Современным оружием славится Россия, там и музеи, – обиделась экскурсовод, – а в нашем замке главное – история.

- Что от неё толку.
- Без истории нет будущего.
- На моё будущее ваша история повлиять не может, – заявил самоуверенный парень.
- Как знать, как знать.

Экскурсия потянулась в другие залы, петляла между столов, комодов и резных сундуков. Андрей откровенно скучал. Когда на обратном пути вновь проходил мимо старых доспехов, из пустого озорства снова потянул меч из подставки, поднял над головой и...

...Пришёл в себя от жуткого холода. По краям забрала бахромой белел иней. Попытка двинуть головой отозвалась тошнотой и дикой болью. Нечеловеческим усилием поднял руку, чтоб отцепить хитрый механизм и снять шлем. Свежий холодный воздух хлынул в грудь, придал новых сил. Тогда только осознал, что окружающая темнота – это просто наступившая ночь. На чёрном небе над головой мерцали редкие мелкие звёзды, над полем битвы опустилась мёртвая тревожная тишина. Уже не было слышно ни победных криков, ни стонов раненых. Насытившиеся чёрные падальщики не дрались и не каркали. Рыцарь постарался встать на ноги, тяжёлые, неудобные доспехи мешали каждому движению. Он раздражённо отстёгивал замочки, расшнуровывал, отвязывал: налокотники, наручни, наколенники, отбрасывал их от себя. Каждое такое движение приносило облегчение. Рыцарь долго возился с широкой старинной кирасой, закрывавший его грудь и спину.

– Святые угодники! Это кого же угораздило придумать такую невозможную конструкцию?! И куда подевался мой бездельник-оруженосец?! Не господское это дело, самому облачаться в доспехи, – разорвался он в крайнем возмущении.

Но оруженосца рядом не было, и в первый раз в жизни граф Роббер вынужден был сам бороться со своими доспехами. Единственная светлая мысль мелькнула в его голове: рыцарь припомнил огромные, громоздкие доспехи своего сеньора. Облачаться ему помогали трое слуг, а самостоятельно в полном облачении он не мог ни быстро пройти по двору, ни сесть на лошадь.

– Ему бы сейчас пришлось куда хуже, – зло усмехнулся рыцарь. – Лежал бы здесь, как толстый жук, пока слуги не привезли бы специальную подъёмную машину, чтоб поставить его вертикально.

Злорадствовать было тем приятней, чем меньше железа сковывало его тело. Чтоб лучше согреться, Роббер подпрыгивал, приседал и размахивал руками. Порадовался, что под доспехами носил стёганный на вате пурпуэн. Прямо поверх него надел кожаную перевязь с ножнами.

– Не видно ни зги! Хоть глаз выколи! – досадовал рыцарь. – А я в пылу боя и не смотрел, куда скакал. Куда теперь податься? Даже не знаю, кто победил.

В гудевшей голове мысли путались, но одно он понял весьма ясно:

– Кто бы ни одержал верх, дорогое снаряжение разбрасывать не стоит. Доспехи мне ещё пригодятся.

Браня себя за недавнюю расточительность, рыцарь принялся в полной темноте собирать детали своих железных доспехов. На удивление, первым ему попался злополучный шлем, который он так старался забросить подальше. Дорогущие наборные перчатки, закрывавшие руки, словно чешуя, состоявшая из сотни маленьких пластинок, соединённых подвижными клёпками – чудо искусства оружейников, – Роббер искал особенно тщательно, других таких не было во всём королевстве.

– Эх, сюда бы огня! Всё бы сразу нашлось, – сокрушался он. – До утра ждать нельзя, мародёры всё растащат. Ну, куда же, запропастился оруженосец?! Огниво осталось у него в сумке.

В это время из осенних туч выбралась круглая жёлтая луна, залила землю своим неживым сиянием. Всё стало отлично видно, только тени залегли особенно чёрные. Роббер обвёл взглядом поле битвы, усеянное мёртвыми телами людей и лошадей. Воины лежали в неестественных позах с отрубленными ногами, головами, руками. Совсем рядом с графом лежал тот самый сразивший его лучник, меч другого рыцаря рассёк его от плеча надвое. На молодом лице убитого замер ужас, мёртвые глаза смотрели в небо, из открытого рта не успел вырваться последний крик.

Роббер не понимал тех военачальников, которых радовал вид поля битвы после сражения. Он не находил ничего величественного в чёрных вороньих стаях, жадно клюющих трупы. Кроме суетливых птиц он заметил в темноте ещё движение. Посмотрел в ту сторону, прямо в глаза ему глянули жёлтые жуткие огоньки волчьих глаз. Рядом возникли ещё и ещё. Пресытившиеся падалью хищники жадно бросились на свежую добычу. Рыцарь успел подобрать с земли свой тяжёлый меч, ударил им наотмашь прыгнувшего зверя. Острое лезвие отсекло волку голову, но за ним прыгнул второй, третий. Роббер размахивал оружием быстрее, чем во время сражения. Наконец, уцелевшая стая отступила, но хищники не разбежались, зорко следили за каждым движением рыцаря.

– Сейчас бы огня! Да куда же мог запропаститься оруженосец?! – сокрушался он. – Найду – поколочу!

– Вот знал бы, не искал бы вас! – звонкий голос слуги звучал весело.

Высоко держа над головой рыжее пламя смоляного факела, круглощёкий коренастый оруженосец графа пробирался к хозяину, осторожно перешагивая убитых.

– Слава Богу, вы живы, сеньор! А то я уже отправился искать ваш труп, – сообщил он со счастливой улыбкой на лице.

– А почему ночью? – удивился граф.

– Так я бы с удовольствием подождал до утра, но господин герцог отправил меня, убедив, что утром я не смогу вас опознать из-за падальщиков.

– Ещё бы немного, и это стало бы правдой.

– Так всё-таки я вовремя! Не зря я повторял вам, что непременно пригожусь во время этого похода, – радовался оруженосец.

– Главное теперь благополучно уйти отсюда. Уж слишком много развелось волков.

– Теперь они нам не страшны! Я захватил с собой ещё пару факелов.

– Тогда зажигай быстрее.

Волки сразу отступили от жадно шипевшего яркого света. Рыцарь вложил свой длинный меч в ножны. Пока он высоко держал пару факелов, оруженосец шарил по кустам, собирал разбросанные куски доспехов. Он снял седло с убитого коня, завернул всё в широкую накидку с графскими гербами.

– Всё! – радостно сообщил он господину. – Можем возвращаться к людям.

– Осталось только выяснить, в каком это направлении.

– Идём, я знаю.

Рыцарь и его оруженосец покинули поле битвы. Потревоженные светом хищники вернулись к своей страшной трапезе. Слуга, тащивший большой свёрток, шёл сзади, а граф гордо вышагивал впереди, зорко всматриваясь вокруг.

– Ты уверен, что мы идём правильно?! – наконец, спросил он у оруженосца. – Кругом только лес и никаких деревень.

– Я точно запомнил дорогу до герцогского шатра, – заявил оруженосец, но в его голосе уже не было прежней уверенности, – вон, с того холма будет уже видно... надеюсь.

Они поднялись на невысокий поросший одинокими деревьями и кустами холм. Рыцарь успел порадоваться, что на дворе уже поздняя осень и густая листва не скрывает окрестности. Действительно, с холма они разглядели впереди тусклый огонёк. Начинаясь хмурое утро медленно, словно неохотно, разгоняло ночную темень. Роббер всматривался в серые рассветные сумерки.

– Это не могут быть огни нашего стана, – задумчиво произнёс рыцарь.

– Главное, это точно человеческое жильё.

– Всё равно странно, там нет даже дома, только большой сарай.

– Но там горит огонь, уверен, нам будут рады.

– Молись, чтоб это было так, – хмурился рыцарь, – ты явно заблудился. Если там не рыцари, а простой люд, так даже лучше. Я сейчас не готов объяснять кичливым дворянам, где пропадал всю ночь.

Найденная оруженосцем тропинка, стремительно спустившись с холма, петляла у родника и снова взбиралась на каменистую возвышенность. Неласковое осеннее солнце дарило безрадостный свет, путники поднимались на новую возвышенность, уныло глядя себе под ноги. На тронутой первым морозцем утоптанной земле рыцарь увидел тёмные подтёки.

– Похоже, будто с холма всю ночь лили что-то густое и тёмное, – задумчиво произнёс он.

– Это кровь, – буднично пояснил слуга, пыхтевший под грузом седла и доспехов.

– Откуда столько?! – ужаснулся Роббер.

Впереди, на вершине холма, путь рыцарю и оруженосцу преградил высокий глухой забор.

– Не очень-то гостеприимное место, и кровавый поток берёт начало из-под этих ворот.

Слуга, не особенно впечатлившись наблюдениями графа, решительно постучал в ворота. Они не были заперты и легко поддались под его рукой. Путники вошли внутрь. Весь большой двор, лишённый обычных крестьянских орудий, был занят больными. Раненые, измученные солдаты сидели прямо на земле, прислонившись к забору, но больше лежали на жалких кучках соломы. Отовсюду неслись тяжкие стоны и подавленные ругательства; кое-как перевязанные, многие шептали слова молитв. Между ними тихие, словно тени, двигались серьёзные, скорбные монашки, подавали раненым воду, говорили слова утешения.

– Куда ты меня завёл? – брезгливо поморщился граф.

– Это же лазарет! После того как рыцари шинкуют пехоту на мелкие кусочки, здесь солдат сшивают заново, – объяснил хозяину оруженосец.

– Тогда нам здесь делать нечего!

Гордый рыцарь повернулся уже, чтобы уйти, но в это время одна из монашек обратилась к нему:

– Господин, идёмте со мной. Там срочно нужна ваша помощь! – в её голосе было мало почтительности и много требовательности.

Граф и сам удивился, почему позволил этой пожилой усталой женщине увлечь его за собой. Она повела рыцаря между стонавшими и метавшимися в беспомощности ранеными вглубь двора, где возвышалось большое, мощное строение – не то конюшня, не то сарай. Войдя в широкие ворота, явно предназначенные для гружёных телег, а не для пешеходов, брезгливый рыцарь готов был зажать нос, так силен был тяжёлый дух, поднимавшийся от кровавых ран и умерших тел.

– Я не знал, какое страшное место – лазарет, – поморщился Роббер.

– Вы правы, сударь. Лазарет – место ужасное, – согласился с ним пожилой невысокий мужчина.

Вся его одежда была густо запачкана кровью, а на длинном кожаном фартуке, как у мясников, и вовсе не было чистого кусочка. Лицо незнакомца избороздили глубокие морщины. Голос его звучал глухо и устало.

– Второй день на ногах, – пожаловался лекарь, – и ночью не присел ни на мгновение. После таких сражений всегда так много страждущих.

Рыцарю невольно припомнилось, как легко и бездумно он наносил направо и налево смертоносные удары своим верным мечом.

– Да, да, – словно подслушал его мысли лекарь, – а потом все, кто чудом остался жив, попадают сюда, ко мне. Правда, многие умирают уже здесь, умирают в страшных муках.

– Так чем же вам могу помочь я? – спросил Роббер.

На душе у него было скверно, он ещё не смог бы объяснить этого чувства, но то, что он творил ради сражения, ради победы, постепенно становилось ему неприятно. Душу наполняло неведомое прежде чувство стыда.

– Вы только скажите, я рад буду помочь, – подавленно произнес рыцарь.

– Не знаю, как и объяснить, – замялся старый доктор, – раны солдат на войне неизбежны, естественны. Взрослые мужчины знают, на что идут. Но... когда гибнут и страдают дети, это неправильно! Невыносимо!.. Идёмте!

Он потянул рыцаря за собой в дальний угол, наполненный ранеными солдатами. Там, на таком же, как у всех, соломенном ложе, лежало совсем маленькое детское тельце.

– Вот, – указал на него лекарь, – мальчик здесь уже вторую неделю, после прошлого сражения отступавшие бежали через его деревню. Ребёнок попал под горячую руку взбешённому поражением рыцарю. Тот размахивал «утреней звездой», такой булавой на цепи с острыми шипами. Да вы-то знаете, – спохватился старик и продолжил, торопясь, боясь, что граф не станет его слушать. – Изверг раздробил ребёнку запястье. От косточек осталось мелкое крошево. Я ничем не могу помочь, у него жуткое воспаление, он без сознания уже два дня, может начаться гангрена.

– А это страшно?

– Это смерть! – категорично произнёс медик. – Единственный выход – ампутация. Но...

Он вдруг схватил рыцаря за руку и потащил за собой в другой угол сарая, отделённый от остального помещения холщовым занавесом. Приподнял ткань, толкнул Роббера внутрь.

– Здесь мы и проводим ампутации.

Рыцарь невольно попятился назад от узкого высокого стола, потемневшего от крови. А доктор указал ему на ещё один маленький столик.

– А это – наши инструменты.

Лежавшие там крючья, щипцы и ножи показались воину инструментами для пыток. Доктор взял со столика пилу с мелкими зубцами.

– Вот этим я отпиливаю руки и ноги. Пила уже затупилась, процедура эта небыстрая и мучительная. Я не раз видел, как взрослые и сильные мужчины не выдерживали такой боли. Ребёнок не перенесёт ампутации, умрёт на столе.

– Но что могу сделать я?! – ужаснулся рыцарь.

– Ваш меч в сто раз острее...

– А вы сумеете справиться с ним?!

– Не я... вам придётся...

Рыцарь не сводил глаз с мальчика. Кроха лет пяти, синевато-бледный, еле дышал. Светлые локоны прилипли к потному лобу, крохотные пальчики сжимали одеяло.

– Нет, я не смогу!

Лекарь приподнял одеяло, показал Робберу большую руку ребенка, распухшую, фиолетово-синюю.

– Отрубив кисть, вы спасёте ему жизнь, – твёрдо сказал доктор.

И граф решился. Привычное оружие показалось ему страшно тяжёлым. Рыцарь точно опустил острую сталь на место, которое указал решительный лекарь. И сразу же вышел из страшного сарая. В дверях к нему подскочил оруженосец. Спросил подобострастно:

– Чего прикажете?!

Роббер глянул на него строго, велел:

– Как только разрешит доктор, отвезёшь мальчугана в мой замок.

– Но каким образом?

– Наймёшь в деревне пару дюжих парней, пусть сколотят хорошие носилки, и отнесёте ребёнка, здесь недалеко. И чтоб пылинки с него сдували. Всё, ступай!

– А вы?

– Я тоже прибуду в замок.

– Что же я скажу герцогу? – обескуражено протянул оруженосец.

– Передай его светлости, что я ухожу и никогда больше не буду убивать для него.

Горестно вздохнув, слуга отправился в одну сторону, а граф решительно пошёл в другую. Роббер торопился, шёл, не разбирая дороги, спешил убежать от нахлынувших кровавых воспоминаний. Он остановился только на краю крутого обрыва. Внизу, по дну глубокого оврага, бежала полноводная и шумная река. Рыцарь перекрестился, вынул из ножен свой верный клинок, вытянул руку, поднял над оврагом и разжал пальцы. Срезав несколько голых веток, меч упал в реку и мгновенно пропал в её водах. Роббер проводил его взглядом, прошептал вслед:

– Прощай, боевой спутник. И да простит меня Бог за всё, что я сотворил...

...Андрей очнулся от громкого звона оружия, упавшего на каменные плиты.

– Вы что! – взвизгнула экскурсовод. – С экспонатами нельзя так обращаться! Поднимите сейчас же!

– Нет! – отрезал бывший рыцарь. – Я больше никогда не возьму в руки оружие, ни старинное, ни современное! И да простит меня Бог за всё, что я сотворил!

Долгая, долгая любовь

Он бережно отвёл волосы с её спящего лица, коснулся рукой тёплой щеки. Ресницы задрожали, и зелёные глаза распахнулись навстречу его взгляду. А в глазах ещё нежилась недосмотренный сон, на щёке – маленький розовый след от подушки. Она сладко потянулась и наконец расцвела ясной и ласковой улыбкой.

– Неужели ещё не конец? – замирая от счастья, тихо спросил он. – И ты ещё любишь меня? – Она на мгновение задумалась, потешно нахмутив брови, оглядела его высокий лоб, пушистый ёжик коротких волос и не смогла отвести взгляда от ласковых серо-зелёных глаз.

– Да, ещё люблю, всё ещё люблю, ёжик. Хоть так и не бывает. Мне все подружки давно говорят, что я полная дура, что упускаю столько возможностей. Наверное, я и, правда, дура.

– А мне длинный опять предлагал поменяться, – он улыбнулся и обнял её. – Ну, чтобы он – с тобой, а я – с его дылдой. Я ему хотел в глаз дать – увернулся, гад, я в плечо попал. И стукнул-то не сильно, а он разобиделся, теперь мы с ним не разговариваем ...

Они шли по осенней листве навстречу друг другу, их шаги становились всё быстрее, они побежали, почти полетели – оп, и вот она уже кружится в его объятьях. И родные, такие любимые руки на плечах, и снова – глаза в глаза... Они вырвались из сумасшедшего потока жизни, чтоб замереть на минутку, обнявшись, посреди осеннего парка, под задумчивым неярким солнцем.

– А ко мне сегодня мама приходила, опять говорила, что это неприлично – быть так долго с тобой. Что тётки у неё на работе только о нас и говорят. Хотя сама с отцом больше двух лет жила, и ничего! Времена, говорит, другие были! Я так хотела бы в те времена с тобой пожить! – она мечтательно жмурилась, как котёнок на солнышке. – А рыжая вообще мне не верит, говорит, что я хочу к себе внимание привлечь, а на самом деле не люблю тебя, только притворяюсь. И дуется на меня за что-то. Ну какое ей дело? А чего это ты хромаешь? – вдруг остановилась она.

– Да мне тут тоже высказали... некоторые из моих бывших, – он помолчал, – друзей. Видишь ли, на тебя большой спрос, и им очень надоело ждать. – Его усмешка вышла кривой и грустной.

– Да? А я никого достойного рядом с тобой так ни разу и не видела. Пусть не надеются, так им и передай!

– Зайка, – он опять задохнулся от невозможного, невысказанного счастья, – ну почему ты такая зайка?

Он пришёл поздно, устало присел на корточки у стены в прихожей. Она, радостно выбежав из кухни навстречу, – вдруг поникла и грустно присела напротив, пытаясь заглянуть в родные глаза.

– Ох, котёнок, не знаю, что и делать. Ведь через три дня нашу семейную квартиру нужно освободить, её ждёт другая пара. Как же нам теперь?

– А мы в парке будем жить, как ёжики, правда же? Ну, улыбнись, пожалуйста! – она доверчиво заглянула в его глаза – такая маленькая и храбрая.

Утром, когда они пили кофе на кухне, прозвучал вызов, и на дверном экране показалось незнакомое лицо.

– Это вы хотели бы продлить брак? – разбитная девица тарашилась на них с экрана.

– Ой, какой ты молодец, ну как же я-то не додумалась! – она подлетела и распахнула дверь. За девицей вошли два похожих, словно близнецы, парня с какой-то аппаратурой.

– Мы со второго канала новостей. Ну, а теперь объясните мне, зачем вам это нужно?

Он поморщился от резкого голоса корреспондентки и тихонько сказал:

– Я там всё написал, в заявлении. Мы продолжаем любить друг друга и хотели бы продлить наш брак.

– Но ведь этого не может быть! Вы давно превысили все сроки! Ваша квартира нужна другой паре, и вы это прекрасно знаете! Думаете, они любят меньше вас? Такого ещё никогда не было! – возмущенно фыркала она. – А как вы можете доказать, что всё ещё любите друг друга?

Они растерянно переглянулись.

– Как же это можно доказать? Просто любим, и всё!

Два парня тем временем обошли жилище, тщательно снимая семейную кровать со скомканным бельём, шкаф, где вперемешку лежала и висела мужская и женская одежда, два полотенца, две зубные щётки в ванной и ещё бог знает что, засовывали нос своей видеокамеры во все углы. Наконец, они уехали, и стало очень тихо.

Последний день, последний вечер. И на столе остывает никому не нужный ужин, оплывают свечи, в углу молча светится экран. Она тихо дрожит, прижавшись к его груди. Он гладит и перебирает пряди волос. Говорить уже не о чем, выхода нет, они должны расстаться. Темнота наступает, отпрыгивает и медленно подползает вновь. Она не упустит свою добычу. На экране – заставка второго канала и вдруг – их растерянные лица. Он прибавляет звук.

– В то время, когда средняя продолжительность брака в мире достигла двух недель и с каждым годом продолжает уменьшаться, одаривая людей новыми, невиданными возможностями общения, эти два динозавра, прожив вместе месяц, подали заявку на продление брака. Факт, достойный тщательного изучения! Что это – возврат к тёмному прошлому, психическое заболевание или ловкая мистификация? Для того чтобы разобраться, второй канал продлил их проживание в квартире на два месяца в обмен на информацию об их личной жизни. Мы хотим

раскрыть эту тайну и не остановимся ни перед чем! Вы меня слышите, господа подопытные кролики?

Медленно, как во сне, он выключил экран и ничком упал на подушку. Перед глазами среди зелёных кругов качалось наглое лицо дикторши. Они видели их прощание, их отчаяние, поцелуи и слёзы, слышали наивные и безнадежные планы спасения. Как мерзко! Всё, всё кончено! Любовь не может быть публичной! Она не сможет, не вынесет такого издевательства! Бедная зайка! – он повернул к ней лицо, в глазах стыли слёзы. И с удивлением услышал:

– Ничего, ёжик, не горюй! За нами подглядели – ну что же, пусть им будет... будет стыдно! – и она яростно погрозила экрану кулачком. – Да, пусть они лопнут от зависти! Ведь у нас с тобой ещё месяц! Целый месяц! А потом – кто знает, может быть, они убедятся и позволят нам... Нет, ну их к чёртовой бабушке! Давай за этот месяц построим свой дом! Представляешь – как строили в давние времена, только для нас двоих. Говорят, очень давно люди могли прожить вместе всю жизнь! Их дети жили вместе с ними, представляешь?

– Нет, вот это уж точно сказки, маленькая, – улыбнулся он наконец. – Такого просто не может быть! Два года, как твои предки... да и то твоя мама, наверное, слегка преувеличила.

Сергей ЗАГНУХИН

Три желаньца

Жизнь не удалась... Ни в чём... А ведь мальчик Ваня подавал большие надежды. Стройный, красивый, общительный, умный, талантливый. На скрипке играл. Рисовал. В стенгазету пописывал. Стишки сочинял. Драмкружок. Судомодельный. Спортом занимался.

Подавал Ваня надежды, подавал... Да видно куда-то не туда подавал.

Иван Иванович Иванов сидит дома без штанов, на кровати. Сорок пять вчера стукнуло – по маковке... Юбилей, чтоб ему... Подводи итоги... А что в итоге? Подводи не подводи – сплошной минус. Машины нет. Дачи нет. Компьютера нет. Денег нет. На работу, как на каторгу... В квартире – бардак... Холодильник пустой... Телевизор сгорел... Детей нет... Жена ушла... Кошки-собаки тоже нет. Зло сорвать и то не на ком.

Веры тоже нет... Ни в кого... Ни в бога. Ни в судьбу. Ни в людей. Ни в себя...

Одна депрессия есть. Большая и чёрная. На пару с тоской зелёной. Да ещё подарочек есть. От сослуживцев. Вон он, на столе стоит. В двухлитровой банке. Плавниками шевелит и глазами-телескопами вылупился.

Ну, друзья-товарищи... удружили. Прикололись. Нашли презент для юбилея. Что с ней теперь делать, с этой золотой рыбкой. Чем кормить? Где держать? Денег даже на аквариум нет. В ванну, что ли, запустить? Или сразу

в унитаз сдёрнуть? Отыграться хоть на ней – бессловесной. А ещё представить себе понатуральной, в стихах и красках, как вместе с ней и коллеги-приколбасики буль-буль в канализацию, в стиле черепашек-ниндзя.

А что, хорошая идея. И проблем меньше и хоть какое-то моральное удовлетворение.

Этой идеи даже хватило на то, чтобы преодолеть постпраздничную апатию. С маниакальным выражением на лице, наведя прицел опухше-прищуренных глаз на объект мести, Иван Иванович, несмазанно скрипнув шарнирами своих суставов, встал с постели и походкой «зомби с похмелья» двинулся к столу.

Рыбка, словно услышав преступные замыслы, замахала крыльями-плавниками и с глазами, повысившими телескопичность, заметалась по двухлитровой акватории. Но в момент, предшествующий соприкосновению рук с банкой, словно приняв решение, застыла на месте и, глядя своими большими очами на потенциального убийцу, энергично зашлёпала губами: «Не губи меня, добрый человек, пожалей», – услышал вмиг обалдевший Иван Иванович. Хорошо, что банку не успел приподнять, а то бы вся история на этом и закончилась.

В этот же момент, уткнувшись остановившимся взглядом сквозь прозрачность стекла и воды в самый центр рыбьего глаза, неудавшийся рыбокиллер с ужасом думал о поехавшей крыше, белой горячке, шариках, захавших за ролики, и почему-то о маме, которую давно не видел, жене, которую не видел ещё дольше, детях, которых вообще никогда не видел, а также обо всех своих неосуществившихся мечтах. Все эти мысли промелькнули в один миг, как, говорят, бывает в момент смерти. Непонятно, правда, кто это говорит, кому и где. Ведь если говорит, то не умер, а если умер, то откуда это известно нам – ещё живущим.

– Успокойся Ваня Ваныч, – продолжала чревовещать рыбка, – с головкой у тебя всё в порядке. Я действительно чудесная золотая рыбка.

– Та самая? Знаменитая? – маятник настроения слегка китаезировано поименованного Ивана Ивановича стремительно метнулся от тоскливого уныния к радостной надежде.

– Ну не совсем та самая, – слегка засмушалась золотая лупоглазка, – ту самую во время последней войны глубинной бомбой подбили, вместе с вражеской субмариной. Я её потомок.

«Золотой рыбок, значит, – подумалось почему-то Ивану Ивановичу, мучительно пытавшемуся раскопать подвалы знаний и перетрясти шкафы своей памяти. – Где-то я это уже читал, в какой-то истории для научных сотрудников младшего возраста. Какая-то там ещё заминка вышла с исполнением желаний».

– Но ты тоже можешь выполнить три моих желания? – с неугасимой надеждой во взоре спросил вчерашний юбиляр.

– Да хоть четыре, – почему-то отводя свои телескопы в сторону, ответила рыбка.

– А что, чудеса могут быть только старинными? – вспомнилось Ивановичу что-то из прочитанного. – А о таких вещах как компьютер или телевизор ты понятия не имеешь?

– Да имею я понятие, имею, только... – в комнате повисло тягостное молчание.

– Ну, говори всё, не томи, килька ты говорящая.

– После взрыва бомбы, волшебная сила перешла ко всем потомкам той золотой рыбки.

– Ну и... – непонимающе захлопал глазами потенциальный чудесопользователь.

– Пропорционально количеству этих потомков, – прошептала бы рыбка, если бы могла шептать, – а так как потомков этих немало, то мне досталось немного, и большая часть доставшейся мне доли пошла на способность говорить, так что на остаток могу сотворить тебе в лучшем случае мышку для компьютера или пульт ДУ для телевизора.

На неудавшегося Ивана-царевича жалко было смотреть. Так, наверно, выглядел бы Алладин, у которого из лампы при очередном потирании вместо джина вылезла бы какая-нибудь ящерка и, вильнув хвостиком, смылась в неизвестном направлении.

– И что же мне делать?

– Думай, Ваня, думай, ты же homo разумный, голова у тебя не только шапку носить.

И Ваня крепко задумался.

На новой иномарке к своему уютненькому коттеджику подъехал И.И.Иванов (творческий псевдоним Александр Натанович Голдфишев), артист очень оригинального жанра, единственного в мире, – «Говорящая рыба». Бодро пройдясь по большой гостинной, мимо крутого компьютера и современного домашнего видеотеатра, остановился он около огромного, литров этак на 2000, аквариума, где в зарослях экзотических водорослей задумчиво пошевеливала плавниками золотая кормилица и поилица. Покормив родимую каким-то дорогим живым кормом и приветливо помахав ей на прощание рукой, отправился А.Н. Голдфишев (в девичестве Иванов) на второй этаж отдохнуть от трудов праведных.

А желаньница? А что желаньница? Может, пригодятся ещё когда. Мышка там для компа срочно понадобится или ещё что. Запас – он ведь, как известно, карман не тянет.

Надежда ШИШКИНА

Ветер и Лиза

Ветер бродит по улицам, как бездомная собака. Любопытно заглядывает в открытые окна, раздувая шторы, как паруса. Треплет и обрывает пожелтевшие листья с деревьев. Срывает шляпки с голов

городских модниц. Заглядывает даже в мусорные баки, вытаскивая и раскидывая по улице бумагу и пустые пакеты. Ветру скучно, он гуляет, надеясь увидеть что-то интересное. И находит – на краю крыши одной из многоэтажек стоит девушка. На ней короткая юбка, которую бесстыдный ветер тут же задирает вверх, тёплый свитер и лёгкие сапожки. В руках у девушки ярко-красный воздушный шар. Он дёргается, стремится сорваться с прочной нитки и улететь то ли вверх, то ли вниз – он и сам ещё не знает. А девушка крепко его держит. Свободной рукой она убирает с лица разметавшиеся соломенного цвета волосы. Ветер слегка толкает её. Девушка покачнулась, но устояла. От края крыши она не отошла. Ветру она кажется похожей на ангела, случайно попавшего на землю. Такое же нежное светлое лицо, а во взгляде – невинность и мудрость сразу. Девушка стояла, неподвижная, но очень живая. Ветер восхищённо смотрел на неё, но вдруг громкий и резкий крик разогнал волшебство...

– Лиза! Лиза, ты опять?! А ну иди сюда, зараза!

На крышу неловко поднимается полная пожилая женщина. Она смотрит зло и нервно.

– Иди сюда, я кому сказала! – И она прибавила несколько ругательств. – Я уж с ног сбилась, тебя искала. Ты вообще хоть о чём-нибудь думаешь, а?

Девушка вздыхает, отворачивается от края крыши и идёт к женщине.

– Что молчишь, бесстыжая?

Девушка не отвечает, а женщина злится всё сильнее.

– Ты вообще слушаешь, что я говорю? Сколько раз повторять можно? – ругалась она. – Надоело уже тебя, беспутную, учить! Ну, отвечай?

Девушке нечего ответить, и она стоит, опустив голову.

– Да я ж тебя!.. – Женщина замахивается и бьёт девушку по лицу. – Получай! Будешь знать, как матери нервы трепать!

Сорвав зло, женщина уходит. Лиза идёт следом, едва переставляя ноги, спускается вниз, на десятый этаж, запирается в своей комнате и тихо плачет, закрывшись с головой одеялом.

А ветер тяжело вздыхает, оставшись один на крыше. Ему жаль девушку, жаль, что она не может бесконечно стоять здесь, с шариком в руках, такая красивая и странная.

Ветер плетётся по улице, прячась под навесы и козырьки подъездов, пытаясь укрыться под голыми ветками от дождя. Холодные крупные капли срываются вниз и разбиваются об асфальт, расплескав каждая маленький мир. Ветру зябко, он дрожит, обхватывая себя широкими ладонями. Но вот он видит впереди хрупкий тёмный силуэт. Девушка, встреченная им однажды на крыше. Она идёт, ступая по самой кромке луж, размахивая открытым зонтиком. Волосы потемнели и облепили худое лицо. Нижняя губа разбита, девушка часто облизывает её кончиком языка, морщась от боли. Ветер подлетает, выхватывает зонтик у неё из рук, желая поиграть,

развеселить её. Лиза кидается ловить, ветер перекидывает зонтик дальше. Так они бегают наперегонки, и девушка смеётся, ей становится легко и радостно. Она ловит ветер за холодные влажные руки, кружится, подбрасывая вверх опавшие листья. Ветер подхватывает их, будто желая вернуть обратно на деревья. Но тут волшебству снова было суждено разветвляться. Звонок сотового телефона, две короткие фразы...

– Нет, мам.

– Да, мам.

И всё, ей пора уходить. Она идёт прямо по лужам, ловя радость те остатки минут, что отделяют её от многоэтажного дома, от знакомого обшарпанного подъезда, от знакомой, но нелюбимой двери.

Ветер носится по городу, как сумасшедший. Он бросается в окна, поднимается над крышами, спугивая стаи ворон с проводов, пролетает над самой землёй, закручивая мусор маленькими вихрями. Ему легко и весело, он вообще не умеет грустить так, как люди. Ему всегда хорошо. Он радуется последней осенней грозе, случайно забредшей сюда из весны. Так не должно быть, но так есть – и это лучшее, что было... Так думал ветер, проносясь мимо окна уже знакомого ему дома. Он знал все окна в городе, но это ему нравилось особо. На подоконнике, на десятом этаже, свесив ноги вниз, сидит Лиза. Она прислонилась к раме и смотрит в небо над городом, зажав в пальцах сигарету. Ветер приветствует её, всколыхнув шторы, метнув с сигареты уголёк.

– Здравствуй! – кричит он, но гром заглушает его голос, и девушка не слышит.

– Здравствуй! – говорит он, но где-то внизу завывла сигнализация, и девушка не слышит.

– Здравствуй, – хочет сказать он, но...

– Лиза, чтоб тебя! – доносится из-за двери. – Закрой окно, дует же!

И девушка послушно спрыгивает с подоконника, выкидывает сигарету и закрывает окно. Она ещё долго стоит там, прижавшись лбом к холодному стеклу. Но ветра уже нет, он медленно спускается вниз, вертя в руках недокуренную сигарету.

Ветра сегодня нет. Он уснул, свернувшись клубочком на крыше одного из домов. Лиза бродит по улицам, пытаясь понять, от чего ей так грустно и неуютно – будто нет чего-то очень привычного. Она садится на скамейку в пустом парке аттракционов, достает гитару из старого потрёпанного чехла. Замёрзшие пальцы слушаются плохо, струны звенят не так, как надо. Редкие прохожие не обращают на неё внимания, идут по своим делам. Лиза сидит, обняв гитару, и задумчиво смотрит на двух воробьёв, хлопотливо бегающих туда-сюда прямо перед ней.

– Ты опять за своё?!

Лиза молчит, прислонившись к стене. Мама стоит перед ней, уперев руки в бока.

– Нет, ну сколько можно? Тебе плевать на всех, кроме себя!

Лиза молчит.

– Мне каждый раз краснеть приходится, когда учителя звонят. Если так учиться не хочешь, бросай школу. Иди на панель – там работники всегда нужны!

Лиза молчит.

– А у меня своих забот полно, кроме того, чтоб тебя караулить, – где ты шляешься! Тебе меня совсем не жаль, не думаешь обо мне ни капли!

Лиза молчит, она старается не упасть, но ноги ватные. Она всегда слабеет, когда мать начинает её ругать.

– А я всю молодость свою на тебя угробила! Думаешь, легко тебя воспитывать было – одной? Да что я говорю, ты вообще ни о чём не думаешь!

– Думаю... – шепчет Лиза.

– Что? Ты думаешь? Да знаю я, о чём ты думаешь. Только не о том, о чём надо! Бесстыжая! Я всё для тебя делаю, а ты о себе лишь беспокоишься. И деньги тебе даю, сколько надо, и все твои желания исполняю... Да я только пока рожала тебя, чуть не умерла...

– Ну и не рожала бы!

Лиза кидается в свою комнату, захлопывая дверь, закрывает её с той стороны.

– Открой! Слышишь, открой!

Лиза сползает по стене, закрывая лицо руками. Она опять виновата. Она нагрубилась матери, хотя не хотела этого. Не смогла удержаться. Но кто же виноват, что она такая? Что не может она жить как все?

– Ну только выйди у меня оттуда! Ты уж своё получишь!

Ветер бродит по улицам. Вот уже много дней он совсем не видит Лизу. Она лежит в больнице. Её избилась мать – за то, что Лиза ей нагрубилась. Ветер не знает об этом, ищет её везде. Ему немного печально. Птицы сегодня кричат тоскливее, чем обычно. Облака тяжелее, а воздух холоднее. Люди прячутся по домам, закрывают окна, пьют горячий чай и ругают погоду.

Ветер увидел её. Она идёт по двору от школы, а рядом с ней идёт молодой мужчина, они о чём-то говорят. Любопытный ветер подлетает, слушает.

– Если ты не захочешь это прекратить, это не прекратится. Я же знаю, это...

– Какая разница? – искренне удивляется девушка. – Это не важно.

– Ничего себе!

– Константин Викторович...

– Я же говорил, можешь звать меня не по отчеству.

– Константин... Если мне понадобится ваша помощь, я обязательно скажу.

– Ясно, – мрачно отвечает он. Он учитель Лизы, совсем молодой – первый год работает в школе. Лиза нравится ему, но он себе в этом не признаётся, ему стыдно за это. Лиза об этом знает, и ей всё равно. – Ладно, делай что хочешь. Вроде не ребёнок уже, а ветер в голове...

Они снова вместе. Гуляют по городу. Давно гуляют. Лиза вышла на улицу днём, а сейчас уже начинается ночь. Лиза отключила телефон и не помнит, что ей давно пора домой. Ветер кружится вокруг, дёргает девушку за волосы, за рукава. Тянет за шарф – скорей, вперёд, там что-то интересное. Лиза гладит случайно встреченную кошку, кормит семечками голубей и робких воробьев. Она поёт что-то – тихо, для самой себя. Ветер слушает – и ему нравится. Лиза поёт только хорошие песни. Она балансирует, идя по перилам невысокой металлической ограды вдоль большой шумной дороги. Курит, выпуская ровные кольца белёсого дыма. Греться в случайных подъездах, круглосуточных магазинах. Ночью на улице холодно – снега ещё нет, но уже пахнет зимой. Ветер сметает с дороги девушки мусор, та принимает игру – наперегонки пинают пустую банку из-под пива. Дворовые собаки тихо ворчат на них, птицы испуганно разлетаются в стороны.

Им хорошо, им радостно, им уютно. Лиза ни о чём не думает, ни о чём не вспоминает. Ветер в голове... Как же верно, думает она. Она любит ветер. И знает, что ветер любит её, – когда стоит тихая и спокойная погода ей грустно, скучно... Ей нравится так думать.

Они сидят на краю крыши Лизиного дома, болтая ногами. Молча смотрят на звёзды – в эту ночь их даже видно, ветер сам разогнал облака. Чёрные полосы проводов пересекают небо на квадраты, и Лизе кажется, что над ней огромная шахматная доска – только все клетки и все фигуры чёрные...

– Ах ты... – раздаётся нервный, истеричный крик. Лизина мама несётся к дочери по крыше, на ходу запахивая полы халата. – Да я тебя убью, тварь этакую!

Она подбегает, замахивается и ударяет девушку по лицу. Та, стоя на самом краю, покачивается и...

Разгневанная женщина не сразу понимает, что произошло. Она не успевает ни удержать дочь, ни даже испугаться...

Ветер на мгновение замирает на краю крыши. Он не испугался. Он просто кинулся вниз, надеясь успеть подхватить, удержать... Широкие ладони подхватывают девушку в метре от земли. Ветер поднимается над крышей, прижимая Лизу к себе. Та смотрит на него большими от удивления глазами.

– Здравствуй, – наконец говорит он, и она его слышит.

– Здравствуй, – отвечает она.

А внизу, упав на колени, причитает растрёпанная женщина с неприятным усталым лицом. Лиза смотрит на неё и вспоминает, как она

летела вниз – так быстро, что её слёзы срывались с ресниц и стремились вверх. Ей не страшно, но очень грустно.

– Пойдём, – говорит ветер. Он ставит её рядом, держа за руку. – Только не смотри вниз. Твоё тело теперь не такое красивое, как раньше...

Лиза останавливается, сделав всего пару шагов, оглядывается на мать.

– Но мы ведь сможем её навещать, – сказал ветер. – Правда.

Александр ФЕДОРОВ

Домовой

Деду снова не спалось. Старик тяжело дышал, ворочался на печи, незримые нити давили грудь. Родная большая и горячая печь грела тело, но не могла влить огонь жизни в старую кровь. Дед перевернулся на левый бок и громко закашлялся, вторую седмицу донимала простуда: пол в доме подгнил, из подпола тянуло сыростью и холодом.

Дед давно чувствовал приближение смерти, но совсем не боялся. За длинную жизнь успел набояться. Боялся неурожая, боялся тиуна, боялся хазар. И только сейчас, немощный и больной, неспособный встать с печи, понял, что боялся зря. «А чего боялся-то? Сам не пойму. Вот за лапти, в которых похоронят, пока не сплёл, можно было бояться, да и то. А раз сплёл, так и бояться больше нечего», – старик даже улыбнулся.

В подполе завозились мыши. Дед закашлялся. Кашель, словно воронье карканье, вырвался из груди. Услышав хрипы, проснулась Лялечка. Девочка беспокойно заворочалась в колыбели. Ребёнок окончательно проснулся и заплакал. Правнучка всё время болела, плохо спала: сырой дом душил и её.

Дед попробовал встать, нужно успокоить ребёнка. Трясущиеся руки упёрлись в камень печи. Сил не хватало, дед упал на одеяло, тяжело дыша. По щеке прокатилась бессильная слеза.

«Щас, внученька, щас, милая, вот отдохну чуток, наберусь сил и покачаю колыбельку, ты только не плачь, а то мамку разбудишь, а она и так усталая в поле целый день работает, чтоб нас прокормить», – дед говорил еле слышно, надтреснутый голос то и дело перебивался хриплым дыханием. Старик перевернулся на спину, продолжая бормотать: «Сейчас, милая, всё сделаю, отдохну чуток только». Ребёнок, и правда, затих. Дед улыбнулся и прикрыл глаза. Грудь с трудом опустилась, выталкивая из лёгких воздух, и больше не поднялась.

– Ну, здравствуй, Олекша, – раздался низкий мужской голос. В словах отчётливо слышалась скрытая сила и мудрость.

– Кто здесь?! – дед открыл глаза и легко сел на печи. В горнице на первый взгляд так ничего не изменилось, не считая невестку как взявшегося посреди комнаты статного седого мужчины. Пришелец опирался на резной посох и ласково улыбался.

– Я за тобой, Олекша, пойдём.

– Куда? Ночью-то, – голос дрогнул, дед ошалело завертел головой и только сейчас увидел самого себя лежащим на печи без движения. На мёртвом лице застыла спокойная улыбка, глаза неотрывно смотрели в потолок.

– Ну, ты прям как дитё, – пришелец улыбнулся и продолжил: – Помер ты, Олекша, нет жизни больше в твоём теле, один дух остался, и ему здесь делать больше нечего.

– Вот оно значит как... Эх, предупредил бы, что ль. Я бы в баньку ходил, рубаху поновой одел бы. Лапти же опять связал, а обувь не успел. А то ведь им меня и мыть, и одевать придется. А как же Лялечка? Как я Милу брошу, Ратибор с похода так и не вернулся... – запричитал дед. Он настолько свыкся со смертью, что теперь интересовался лишь жизнью родичей.

– Чего разнылся, без тебя всё знаю. Пойдём, до рассвета успеть надо, по зоре на Троянову тропу станем, а там Вирий недалёко. На тропе всё расскажу, всё без утайки. Теперь не томи душу, пошли, я тебя как старший прошу.

– А Лялечка-то как? – чуть не плача воскликнул дед.

– Спит она. До утра добрые сны видеть будет, я Дрёму принёс.

– Вот за Дрёму спасибо, – дед соскочил с печи, легко и бесшумно прошёлся по комнате, остановился возле родовича, пристально разглядывая гостя. На глаза попалась связка колосков пшеницы, притороченная к поясу. Основатель рода был когда-то знатным жнецом, за что его прозвали Колосом, – вспомнил Олекша.

– Колос? – неуверенно спросил дед.

– Признал, значит, старшего в роду-то, – улыбнулся Колос.

– Признал, спасибо за честь оказанную, что пришёл за мной, – дед в пояс поклонился основателю рода. Олекша легко разогнулся, спина совсем не болела. Дед твёрдо посмотрел в глаза родовичу, губы чётко произнесли:

– Я не пойду.

Колос нахмурился, вдоль лба пролегла морщина.

– Не буду уговаривать, по глазам вижу – упрямый ты, но смотри, осерчаю, – в глазах Колоса сверкнула молния. – Помни, один на Троянову тропу ступить не сможешь, тяжёл ты больно для неё.

– Воля твоя, но я останусь, не могу их бросить. Мила в поле работать будет, а за ребёнком, за хозяйством кто присмотрит? – дед приободрился.

– Ты можешь остаться. Есть такое право. Тогда душа с домом сроднится. Станет дом вместилищем твоей души. Уже решил?

– Да, – твёрдо ответил Олекша.

Колос задумчиво прошёлся по комнате, легко проходя сквозь лавки и стол. Подошёл к печи, ласково провёл ладонью по голове Милы. Прядь волос примялась под призрачной рукой. Женщина вздрогнула во сне, задышала ровнее, губы расслабились и разошлись в стороны.

Колос заглянул в колыбель: девочка тоже улыбалась во сне, Дрёма постарался на славу. Основатель рода обернулся к замершей душе Олекши:

– Прощевай, Олекша, отныне это имя тебе не принадлежит. Может, ещё свидимся, но это как Род трисветлый даст. Береги их, – уже тише добавил Колос.

Светало. Сквозь щель в ставнях проник первый лучик света. Колос подошёл к окну, нога в красном сапоге опустилась на лучик. Основатель рода встал на тропу Трояна. Могучая фигура становилась всё прозрачней, пока совсем не растаяла, оставив в горнице запах пшеничных колосьев.

Дед пробормотал вслед:

– Лёгкой дороги.

«Времени мало, скоро Мила проснётся, а забот полон рот», – замелькали мысли в голове. Дед с удивлением ощутил, что помолодел лет на пятьдесят. В руках снова появилась сила.

Дом необъяснимым образом стал огромным. Дед до ушей улыбнулся сквозь мигом отросшую густую бороду.

– Хехех! Я ведь теперь ростом чуть больше Ляльки, но это ничего, так, наверное, даже и сподручней. Ого! Совсем светло стало, пока Мила не проснулась, надо бы хоть пол подмести, – забубнил под нос дед.

Новоиспеченный домовый задвигался по дому, как маленький ураган, сметая мусор, вытирая пыль и копоть. Дед едва успел выгнать из-за печи усаых тараканов, как проснулась Мила.

Олеся ЛОГУНОВА

Один день из жизни старого лешего

Жители Дремучего-Дремучего Леса искренне считали, что их родное, заросшее вековыми дубами место жительства и есть весь белый (ну не совсем белый) свет. Обиталище местного лешего Митроши (так его когда-то ласково называла мама) находилось возле болота. Болото было большое, что находилось за ним – никто не знал, да и не стремился знать. Местная «легенда» гласила, что там, где кончается болото, кончается и сам Дремучий Лес, там начинается конец света. Это «конец света» произносилось всегда таинственным шепотом.

Как-то само собой получилось, что берлога старого лешего считалась местом «на краю света», то есть местом мистическим и полным самых необыкновенных тайн. Сам Митроша ничего таинственного и загадочного здесь не видел.

Вообще-то жители Дремучего-Дремучего леса жили тихо и мирно. Почти никогда ничего не происходило в этих местах. Митроша уже был пенсионного возраста, а потому, как и полагается в данном возрасте, предпочитал тихую и спокойную жизнь. Давно минули годы, когда Митроша, будучи молодым и, кстати, весьма красивым по лешачьим меркам парнем, проделывал такое, от чего молодки лешахи просто сходили с ума. Были тогда и романтические вечера с цветами и стихами, были и «тихие» посиделки с друзьями, после которых Митроша ничего не помнил, но почему-то деревья были повыкорчеваны, болота наполовину осушены, а симпатичные кикиморы при виде лешего странно краснели и прятались.

Сейчас всё было по-другому: Митроша подолгу спал, потом, степенно позавтракав свежей гнилушкой с болотной водицей, уходил осматривать свои владения. После прогулки впору было отдохнуть, и старый леший сидел на сплетённых корнях старого дуба и, задумчиво попрыгивая самокруточкой, смотрел на болото, стрекоз, лениво перелетавших с камыша на камыш, на комаров, только что позавтракавших его же кровушкой, и вспоминал о прошлом житье-бытье.

Да, давненько он уже не видел старых друзей: сосед Лукерий как-то тоже незаметно состарился и осел в берлоге за многие вёрсты со своей лешачихой (Митроше семьи бог не дал), Ёкарный Бабай вообще мигрировал, по словам щебетух, за границу Леса. В это Митроша не верил. Нет ведь ничего за границей леса. Это любому лешачонку понятно. Там более ему, он ведь живет на границе, и видит – нет ничего, значит, и жить негде. Но щебетухи – они такие: упрямые, их не переспоришь, тем более всех сразу.

Так и жил старый леший Митроша. Так бы он жил и дальше, если бы не набрёл на его жилище человек. Самый настоящий. Если б Митроша его не видел, ни за что бы не поверил. Ведь в сказки он не верил с детства. Когда-то бабка рассказывала ему о встрече с существом из-за пределов с Лесом, «человеком», мол, странное такое существо – с двумя головами, причём одну он может снять, а другую – нет, а ещё может снять свою собственную шкуру... Но бабка его тогда уже была шестисотлетней старухой и совершенно выжила из ума.

Человек прыгал с кочки на кочку. Было видно, что он устал, но продолжал прыгать... Настырный... Комары радостной стаей накинудись на него, и толстые, счастливые, отсвечивая красноватыми брюшками, отваливались, освобождая место для товарищей. Глядя на это пиршество, старый леший сделал вывод, что кровь у человека такая же, как и у него – горячая и красная. Комары они ведь такие – что попало жрать не станут, особенно местные гурманы.

Человек наконец достиг берега болота, и присел отдышаться. Митроша потихоньку присел рядом.

– Курить будешь?

Человек замер. Потом он стал медленно поворачиваться, глаза его становились всё больше и больше, потом также медленно открылся рот, и человек издал такой звук, какой Митроша слышал только от Ёкарного Бабая, когда тот во время очередного кутежа пугал местных кикимор. Когда человек перестал орать, леший снова поинтересовался:

– Так будешь или нет?

Человек долго смотрел на Митрошу, Митроша смотрел на него.

– Ну?

– Ты кто? – сумел выдавить из себя человек.

– Да уж не кто-нибудь – хозяин местный. А ты кто? Я тебе подобных в наших краях не видывал. Бабка, правда, что-то такое рассказывала о людях, да не в себе она была, бабка-то моя... Ты человек?

– Ага. А ты – леший? Я думал – вы только в сказках бываете, мне тоже про тебя бабка рассказывала.

– Ух ты. И что она рассказывала?

– Ну, что-то с трудом припоминаю... Что ты здесь хозяин..

– Это да

– ...И что людей ты путаешь, если они в лес приходят, всё дальше вглубь заводишь, следы путаешь...

– Тоже мне, забава – следы путать. Да я людей за свою жизнь не видал ни разу, всю жизнь считал, что это сказки...

– Я вот тоже тебя сказкой считал, а оно гляди, как вышло...

– А правда, что у тебя две головы и одну ты снимаешь?

– А ты сколько голов видишь?

– Пока одну.

– Второй, к сожалению, нет... а пригодилась бы, глядишь, умнее был бы. Человек задумался. Леший тоже. Вот оно как в жизни бывает. Живёшь себе, живёшь и вдруг – опа! – права оказывается выжившая из ума старуха...

– А имя-то у тебя какое?

– Иваном меня зовут. А тебя?

– Матушка Митрошей назвала.

– Хорошее имя.

– Чем это хорошее?

– Уютное такое...

«Во как, – подумалось Митроше, – у-ю-ю-тное. Никогда не знал раньше...»

– А ты откель в наших местах? В Дремучем Лесу я людей отродясь не встречал.

– Я-то? Из деревни соседней...

– Из чего?

– Да из деревни я, из Лопушков, это вот за полем.

– За каким таким полем, – не понял Митроша...

– За тем полем, которое за лесом.

Тут Митрошу осенило.

– А... это как там... пойдти туда, не знаю куда... типа такого чего-то?

– Да ты что же из лесу ни разу не выходил, что ли?

– А куда там выходить-то? Там же нет ничего... Я ж на самом краю Дремучего Леса живу, а дальше-то всё... конец света... Эк чего придумал, шутник.

– Да какой конец света? За болотом ещё лес, потом поле, потом деревня моя, за ней река, с другой стороны дорога. В город...

– Стой, стой, стой, совсем старика с толку сбил...

– Слухай, ты чего же, правда, никуда отсюда не выходил за всю жизнь? – Иван был в растерянности.

– Да вот... как-то... Да и вообще, я же леший, мне в лесу жить положено, вот и живу, и все предки мои тут жили, и друзья, и... и... и... вообще...

Дальше разговор не заклеился. Иван достал сигарету, Митроша свернул новую самокрутку, новые знакомые тихонько курили.

– Слушай, а пойдём ко мне в гости!

– Куда?

– Да ко мне. Тебя жена пирогами угостит. Да хоть окрестности посмотришь! Ты ж не видал ничего! А то с людьми познакомишься. Их в деревне много.

Митроша испугался. Как это он бросит своё хозяйство, берлогу, болото да пойдёт с этим незнакомым ЧЕЛОВЕКОМ (которого вообще в природе существовать-то не должно) неизвестно куда, за край Леса, туда, где ничего нет? Да и зачем?

«А может, прав он, этот Иван? Вдруг есть там чего? Поле какое-то... Лопушки... – Митроша снова свернул самокрутку, хотел было затянуться. – Да чего ж мне терять-то? Берлогу эту, болото?»

– А была не была, Иван, веди меня в свою деревню!

За болотом лес начинал редеть. Вместо столетних дубов стали появляться другие деревья – тонкие, белые. Иван объяснил, что это берёзы. Да и трава была здесь не такая, как в Дремучем Лесу – зелёная, яркая, мягкая... Один раз набрели они на полянку, а там ягода... Митроша никогда не видел, чтобы ягода на земле росла, а не на мхе болотном. И та была кислая, а эта сладкая да ароматная. И всё-таки как-то неуютно чувствовал себя Митроша в этом светлом лесу. А где же жить-то, если нет сплетённых корней? Да и не спрячешься здесь, ежели что... Да и вообще чувствовал леший себя особенно старым среди этой молодой буйной зелени и света...

...Лес кончился как-то совсем уж внезапно. Митроша увидел поле и понял – конец света всё-таки существует. Врал Иван. Как ещё назвать это пустое пространство? Здесь же всё видно и нет ничего, только дым вдаль. Митроша запаниковал.

– Ты извини, Иван, ты уже иди в свои Лопушки, на реку, на дорогу, а я уж как-нибудь сам доберусь... я... это... домой, мне пора, там, знаешь, лягушки некормленные, да и стрекозы там...

– Ты испугался что ль?

– Я-то? Да не-е... просто дела у меня, дела...

– Ну что ж, дела так дела, – Иван вздохнул, – давай уж посидим здесь немного.

Они немного посидели. Митроша немного успокоился. Они снова закурили.

Как и всякий день, этот стал сменяться вечером. С наступлением сумерек Митроша почувствовал себя значительно лучше.

А потом... он увидел такое... от чего у него закружилась голова! Всё небо, всё пространство окрасилось в красный цвет! Красное было повсюду: на небе, на поле... а особенно красивым было там, впереди. Оно переливалось, меняло оттенки, заставляя всё вокруг сиять и переливаться.

Красный переходил в оранжевый, потом в бордовый, потом... а что там говорить!..

Это потом Митроша узнал, что это был закат, что восход не менее прекрасен, что ночью на небе есть звёзды, а в мире живут люди, домовые, да и много кто...

А сейчас он видел чудо, и старый леший понял, что хочет жить за краем Леса, за краем Света, да хоть у чёрта на куличках, если там есть эта красота!

– Ну, Иван, веди меня в свои Лопушки, подождут мои лягушки.

Сергей ТАРАКАНОВ

Цена души, или Самоискушение гражданина Антонова

Своим дорогим коллегам
посвящает автор

Юрий Сергеевич Антонов, преподаватель литературы одного провинциального вуза, поднялся к кафедре, привычным жестом поправил очки и начал лекцию о Достоевском. За последние годы огромный и неуклюжий корабль государства развернулся, наконец, на 180 градусов, утопив на повороте многих преподавателей, в основном обществоведов. Утлая лодочка Юрия Сергеевича удержалась на плаву. Русские классики 19-го века, ранее все как один атеисты и революционные демократы, разом, как по взмаху волшебной палочки, стали церковными христианами и монархистами, в крайнем случае – демократами либеральными. Вот и сейчас, вяло пережёвывая сюжет «Преступления и наказания», Юрий Сергеевич остановился на близости Достоевского к Русскому Императорскому Дому (всё с большой буквы), используя недавно прочитанную книгу Игоря Волгина. Надо отдать должное Юрию Сергеевичу – читал от много и с удовольствием, в отличие от своей аудитории, к этому устаревшему занятию не склонной. Девицы наострили уши: близость к императорскому дому приятна любому русскому, будь он трижды демократ... Тут лектор вдохновился и, используя дневники писателя, обрушился на гнилой Запад за его рационализм, бездуховность и стремление к комфорту и наслаждениям. Ругать Запад с недавних пор было признаком хорошего тона среди гуманитарной интеллигенции, особенно после соответствующей дозы алкоголя. Аудитория заскучала. Студентки филфака, ласково прозванные в городе литпутаночки – за красоту и склонность к свободной любви, о запахе Запада были другого мнения и явно предпочитали комфорт и наслаждения. Затем Юрий Сергеевич провёл параллель между Фаустом, продавшим душу дьяволу и, тем не менее, не попавшим в ад за свои грехи, и Раскольниковым, искупающим добровольно одно преступление. Ещё раз обругав Запад за снисходительное отношение к греху, он закончил лекцию, попрощался и отправился домой.

По дороге домой доцент задумался. Он, как и многие другие, легко сменил вероисповедание, в чём были свои плюсы и минусы. С одной

стороны, на партсобрании все сидели, а в церкви приходилось стоять. Кроме того, будучи человеком полусвободной профессии, он любил поспать по воскресеньям, а служба начиналась рано. Но были и плюсы. Уже не ловил за пуговицу секретарь парторганизации с вопросом: «Почему ты не был на последнем собрании», а сзади какой-нибудь остряк добавлял: «А он не знал, что оно последнее»... Умный молодой батюшка охотно привечал «новых русских», искупавших деньгами свои многочисленные грехи, благосклонно относился к интеллигенции, с которой можно поговорить на умные темы. От сомнительных посетителей он умело избавлялся, показывая в краткой беседе их моральную неготовность принять святое крещение. После краткого разговора будущий христианин уходил очищать свою душу и обычно больше не показывался. Других разгоняла «старая гвардия» – храмовые старушки, которые то и дело обрушивались с негодованием то на девицу в брюках, то на женщину без платка. Словом, в церкви стояла тишь и гладь, и даже немного благодати, ходил же новообращённый на службу, как раньше на партсобрание – один раз в два месяца, с удовольствием ощущая себя православным. Но всё-таки – сколько стоит бессмертная душа и почему его до сих пор никто не искушал? Юрий Сергеевич вспомнил Флобера – как искушали его немного тёзку – святого Антония. А его почему нет? Даже обидно. Кто он такой? Очки, лысина, брюшко, букет традиционных болезней. А в каких ярких, интересных грехах можно прожить оставшуюся жизнь! «Огненные грёзы Люцифера, там блуждают стройные блудницы», – вспомнились строчки любимого Гумилёва. Надо сказать, что от уличных блудниц при одном их виде Юрий Сергеевич спасался бегством, телевизионные вызывали только скуку и омерзение, но о них хорошо мечталось, особенно на рассвете. Идея продать свою душу нравилась ему всё больше и больше, вероятно, сидевший на левом плече чёртик её всё время повторял.

Придя домой и пообедав в одиночестве (жена Юрия Сергеевича была в доме отдыха, дети выросли и разъехались), он сел за стол и принялся составлять условия продажи своей души. Будучи человеком не жадным, он легко остановился на сумме в миллион евро. Далее коттедж в Петербурге и вилла на Канарах. Как носитель великой русской духовности, он отказался от Парижа и других порочных столиц, но косточки грешные можно и погреть... Из средств передвижения – мерседес-бенц. Вечная молодость? Как умный человек, он понимал, что никакого бессмертия ему никто не предложит, но вторая молодость лет на двадцать – двадцать пять тоже очень хорошо. Напоследок Юрий Сергеевич занялся составлением себе гарема. Последнее оказалось необычайно увлекательным занятием, и наш герой долго обдумывал национальность и качества нужных ему красавиц, даже напевая что-то пошлое, вроде «моя мулатка почти как шоколадка»...

Составив список, он оделся и отправился по книжным магазинам, благо литература по магии чёрной, серой и белой наличествовала в избытке. Купив Папюса и Алистера Кроули – с обложки книги последнего глянуло явно

бесовское лицо, – он пошел домой. По дороге зашёл на факультет и взял в одной аудитории кусочек мела. Без пяти двенадцать он надел чёрный костюм, сунул в карман флакон с одеколоном и встал посередине комнаты. Помня Вия, он обвёл мелом вокруг себя черту, а потом начертил ещё две. Затем, развернув книгу, стал читать зловещие слова, которые мы повторять не будем. Сейчас закружится туман, сверкнут молнии и появится вызываемая фигура. Но, увы, ничего не произошло.

«Бог любит троицу», – вспомнил он друга-приятеля с кафедры философии, наливавшего так обычно третью стопку. Может, и чёрт тоже троицу любит, решил он, намереваясь завтра ночью повторить обряд. Но повторять не пришлось... На другой день после обеда Юрий Сергеевич запаковался в плед, намереваясь сладко подремать, как вдруг загорелся экран выключенного телевизора и на нём показалась симпатичная чертовка. Одета она была официально и строго: белая рубашка, чёрный галстук. На хвосте большой красный бант.

– Анжелика Асмодеева, – представилась она. – Русский отдел Адской канцелярии. Мы получили Ваше обращение, позвольте узнать цель вызова?

– Э, э, – замычал растерявшийся доцент. Анжелика пришла ему на помощь.

– Вероятно, речь идет о продаже Вашей бессмертной души, – улыбнулась чертовка. Доцент молча кивнул.

– Отдел по покупке душ работает с 9 до 19 часов, – продолжала она. – Суббота до 15 часов, воскресенье – выходной. Когда Вам удобно?

– Чем раньше, тем лучше, – выдавил, наконец, из себя Юрий Сергеевич. Анжелика застучала крашеными когтями по стоящему слева от неё компьютеру:

– Ждите сегодня в 18 часов, – отметила Анжелика у себя на экране и попрощалась. Экран погас.

Без десяти шесть Юрий Сергеевич снова нарисовал три круга и стал ждать, поглядывая, впрочем, на дверь. Но на этот раз всё произошло согласно классической литературе. Ровно в шесть часов левый угол комнаты задымился, и там образовался огромный, метра два, чёрт, весь заросший дикой шерстью. В левой лапе он держал большой жёлтый портфель.

– Федор Богданов, полевой агент по покупке душ, – представился он, перешагнув сразу три круга.

Осторожно пожимая мохнатую лапу, Юрий Сергеевич невольно хохотнул при этом дважды «богом данным» чёртом.

– Имя и сущность не связаны между собой, – сухо заметил Фёдор, видимо, поняв причину неуместного смеха. – Это ещё Аристотель показал в своих «Категориях».

– А вот Платон в «Кратиле»... – начал было доцент, слышавший на факультете философом, но представитель ада явно не был склонен к дискуссии.

– У нас бывает мода на божественные имена, – коротко пояснил он.

– Вы подтверждаете своё желание продать свою бессмертную душу? – спросил он.

– Подтверждаю, – с невольной дрожью подтвердил продавец.

– Снимите тогда, пожалуйста, пиджак и рубашку, – попросил чёрт и, раскрыв портфель, вытащил из него лакированный футляр, на котором иероглифами и по-русски было написано: «Измеритель душ портативный. Изготовлено в Диюе».

– Черти китайские делают, – с уважением отметил Фёдор. – Работы у них мало, вот и занимаются изобретательством.

Он вытащил из футляра трубку, похожую на стетоскоп, протёр её фланелью и стал внимательно выслушивать сердце клиента.

– А я думал, что душа в районе горла, – удивился Юрий Сергеевич и вывел этимологическую цепочку: – Дух – душа – дышать.

– В сердце, – отрывисто пояснил чёрт, занятый своим делом. – Что ж, – закончил он, – средний грешник. Душа подлежит покупке. Обговариваем условия?

Юрий Сергеевич с готовностью достал свой листок, Фёдор извлек из портфеля папку с тиснением: «Прейскурант душ».

– Деньги – один миллион евро, – бодро произнес продавец.

– Три тысячи рублей, – глянул в свою тетрадь покупатель.

Юрий Сергеевич задохнулся. Он считал и, признается, вполне справедливо, себя праведником, а души праведников стоят очень дорого. Посудите сами. Взятки он брал только «борзыми щенками» – коньяк, конфеты, книги, особенно их не вымогая. От вступительных экзаменов – золотая жила в быстро дичающей стране – отказывался, больше ценя душевное спокойствие. «Если у человека чего-то нет, то это ему и не нужно», – любил он повторять слова апостола Павла. Коллеги с апостолом были не согласны, им было, выражаясь словами забытой комсомольской песни, «всегда по-хорошему мало», но неучастие Юрия Сергеевича были очень довольны. Жене не изменял. Пил часто, но напивался редко. И ещё один раз в два месяца бывал в церкви! Ну конечно, праведник ...

– Но почему так мало? – жалобно начал он.

– Рыночные отношения, – равнодушно развёл лапами чёрт. – Предложения превышают спрос. В прошлом месяце давали четыре...

– Но ведь бессмертная душа, – снова начал Юрий Сергеевич, – адские муки...

– Адские муки... Адские муки... – с горечью повторил чёрт. – Отдел снабжения объявил себя акционерным обществом, сразу исчезли запасы нефти и каменного угля. Бурым углем не можем протопить котлы, грешники жалуются на адский холод. Почти вся смола уходит в американский сектор. Часть чертей бастует. Часть ушла ко всем ангелам (Федя явно выругался). Либералы утверждают, что подвергаться мукам – свободное волеизъявление грешника, старочерты настаивают, что это его обязанность. Единство прав и обязанностей, – усмехнулся он.

– Адские врата сломал ещё Христос, и починить нам их не дали! Легион бесов охраны коррумпирован, грешникам из новых русских

открыто поставляют алкоголь и наркотики. На днях за миллиард долларов вернули на Землю олигарха, некоего Рабиновича. Вскрыли могилу, врачи констатировали летаргический сон. Правящая семёрка впала в старческую доброту. Недавно группа патриотов обратилась в Небесную Канцелярию с просьбой поставить во главе Ада архангела Михаила. Надеемся на положительный ответ. А то не ад, а Бог знает что... Адские муки, – снова повторил он. Похоже, что у него наболело на душе...

Да, – мелькнуло в голове доцента, – кажется, что Перестройка добралась и до ада.

– Мелкие души вообще не принимаем, – пооткровенничал Федя.

В Рай идут, – догадался носитель средней души.

– В Рай их тоже не пускают. Мечи у архангелов заменили на мётлы, гонят ими мелочь. Ну чисто дворники московские, только бляхи не хватает, – усмехнулся он.

– Куда же их?

– Кого как, – неопределённо пожал плечами Фёдор. – За однополую любовь вселяем в серых гусей, они это занятие любят. Но в основном во вредных насекомых. В последнее время больше в колорадского жука... Видели, что на полях делается? Учтите, – искренне посоветовал он, – после Нового года будет новый душевой кадастр. Ваша душа пойдёт как мелкая. Что же вы, гражданин, – упрекнул он, – столько лет прожили, а нагрешить по-человечески не сумели? Так, одни взятки...

– Какие взятки, – удивился Юрий Сергеевич и вдруг густо покраснел.

– Убитая газетой муха мученицей не считается, – ни к селу ни к городу вдруг добавил чёрт. Юрий Сергеевич содрогнулся.

– Я согласен, – сдавленным голосом произнёс он.

Пошли дальше по списку.

– Коттедж в Петербурге и вилла на Канарах.

– Улучшение жилищных условий на 10-15 метров.

– Мерседес-бенц.

– Велосипед отечественного производства. Да и для здоровья полезнее, – извиняющимся тоном добавил Федя.

– Вечная (вторая) молодость

– Излечение геморроя, простатита, люмбаго, – монотонно перечислил чёрт по своей тетради, слегка запнувшись, впрочем, на последнем слове. – Магическим путем, – поспешно добавил он, видя унылое лицо клиента.

Юрий Сергеевич успокоился: врачей он боялся с детства и визит в больницу расценивал как трагедию, не говоря уже об операции. Сошлись на геморрое.

Говорить далее о гареме было как-то неловко, где и как его содержать, поэтому продавец души зачитал своё условие, как сейчас говорят, на автомате, но чёрт – мужчина и хороший психолог по профессии – только сочувственно кивнул и снова полез в свою тетрадь.

– Три варианта на выбор клиента: бесплатное посещение публичного дома (7 дней), курортный роман (21 день), новая жена.

– Студентка? – вскинулся, как драгунский конь, Юрий Сергеевич.

– Вдова сорока – сорока пяти годов, – уточнил Федя. Глаза доцента погасли, он выбрал курортный роман.

– Ну что, подписываем договор? – чёрт вынул из портфеля стандартный бланк и стал его заполнять. «Продается (покупается) бессмертная душа: земные блага на адские муки. Вечные. Примечание первое: до Страшного Суда, последующее прощение гарантируется Небесной Канцелярией. Примечание второе: на Пасху душа от мук освобождается». Дописав остальные пункты соглашения, чёрт обернулся к Юрию Сергеевичу:

– Подписываем?

Юрий Сергеевич достал из кармана одеколон.

– Это ещё зачем? – изумился Фёдор. Доцент смутился:

– Ну, как же, дезинфекция, подписывают кровью...

– Суеверие, – проворчал чёрт, протягивая шариковую ручку.

Чернила, впрочем, были красного цвета... Обе высокие договаривающиеся стороны подписались. Затем представитель нечистой силы вытащил из портфеля и отсчитал три тысячи рублей:

– Расписки не надо.

Потом извлёк оттуда чёрную засушенную руку со скрюченными пальцами.

– Что это? – со страхом уставился доцент на этот жуткий артефакт.

– Рука гаитянского колдуна, казнённого инквизицией, – охотно пояснил Федя. – Рука прошла клинические испытания, – заверил он. – Лечит путем приложения к нужному месту.

Когда Юрий Сергеевич застегивал брюки, его лицо сияло – он, как и всякий настоящий интеллигент, любил свой маленький, отделанный кафелем кабинетик, часами там читая и медитируя...

– Остальное получите в ближайшие три месяца, – уведомил чёрт и, чувствуя торжественность момента, объявил:

– Поздравляю с продажей. Ад ждет Вас!

Юрий Сергеевич вытянул руки по швам. Партнеры ещё раз пожали друг другу руки, и Федя исчез в левом углу.

Зазвонил телефон. В трубке защебетал голосок Серафимы Павловны, страшной, как германская война, старой девы с кафедры русского языка.

– Я только что из профкома. Решено дать Вам квартиру с большей площадью, правда, в Ново-Ермаковке. И, самое главное, – голосок поднялся на октаву выше, – нам выделили две путевки в Белокуруху. Едем на той неделе.

Да, похоже, курортный роман уже начинается...

Змей Петров

Сегодня был обычный день. Иван Петров, как всегда, встал в шесть утра, позавтракал, оделся и отправился на работу. По дороге ему не попадались ни чёрные коты, ни старушки с пустыми ведрами. Всё шло как обычно. Он поздоровался с охранником, пожал руки друзьям. А когда он вошёл в свой кабинет, телефон противно звякнул и трубка не менее противным голосом вызвала его в кабинет к директору. Его ещё никогда не вызывали к управляющему. В приёмной он увидел обладателя противного голоса: рыжую молоденькую секретаршу, которая объявила, что управляющий его ждёт. Петров вошёл в кабинет.

– Здравствуйте, Иван Никифорович. У меня к вам особое поручение. К завтрашнему дню вы должны научиться летать. – Управляющий сказал это с таким видом, будто научиться летать – что выучить таблицу умножения.

– Простите? – непонимающе взглянул на него Петров.

– Вы что-то не поняли? Завтра вы должны летать, – улыбаясь, вновь повторил директор.

– Но я не умею.

– Вот и научитесь. Я знаю, первый раз тяжело, но зато потом... просто класс. Вы представьте себе, ПРИЛЁТАЕТЕ на работу. И никаких пробок, никаких аварий, никаких опозданий. А чтобы взлететь в первый раз, нужно сперва немного планировать. Видите гору за окном? Вот с неё вы завтра и начнёте свой первый полёт.

– Но я же не птица, а человек. Люди летать не могут, это каждому известно.

– Не рассуждать. Завтра – в летящем виде. Пошёл вон.

Расстроенный, Петров вышел из кабинета. В этот день у него всё валилось из рук. Ничего себе задание – летать! Люди не летают. Примерно в таком состоянии пришел Иван Никифорович домой. Там уже всё знали: напарник по работе позвонил домой, рассказал.

– Папа, рожденный ползать летать не может, – плаксивым голосом сказал четырёхлетний сын.

– Молчать! Без вас разберусь, – сказал Петров и закрылся в туалете. Как известно, туалет в России – место уединённого размышления.

Когда Петров вышел из своего домашнего кабинета, сразу же ушёл к своему хорошему другу и собутыльнику Петру Иванову. На ночь он домой не приходил. Никто не знает, о чём друзья говорили, но на следующий день помятый, невыспавшийся, но уверенный в себе Петров полз на гору. На горе его ждали управляющий фирмой и правительственная комиссия. Ну и ещё вся родня, пришедшая посмотреть на первый полёт Ивана Петрова (правда, они считали, что он же последний). Петров подошёл к обрыву и взглянул вниз. Потроха сжались в один маленький комочек и не хотели

приходить в исходное состояние. Петров оглянулся: позади всех в небольшом отдалении стояли два солдата с винтовками наперевес. Когда Иван ещё поднимался, они ему сказали: «Если сам не полетишь, мы поможем».

– Валя, не беспокойся, мне всё объяснили: я – птица, – сказал Петров и сиганул вниз. Послышалось вездесущее «ах».

А Иван Петров спокойно парил в небе. Пролетая сквозь облака, пикируя вниз, просто планируя, Петров улетел так далеко, что его стало не видно. Больше на земле его никто никогда не видел. Лишь иногда засекут радары какую-то точку, но вскоре она исчезает. Чаше видят его пилоты самолетов: вылетит Петров из облака, приветственно махнёт рукой пилоту и вновь умчится вдаль.

Содержание

От составителя.....	3
Юрий СОКОЛОВ	
Удалённый контакт	4
Наталья КОЛЕСОВА	
Двери	30
Ольга БЕЛОУСОВА	
Условный рефлекс.....	39
Евгений ГРЕП	
Такая работа	41
Надежда КАЛАШНИКОВА	
Шахматы	45
Валерий Колотвин	
Мир на холсте	48
Александр ГОЛОВКОВ	
Люди в квадрате	49
Петр БУРМИН	
Мощность звездолета: две человеческие силы.....	52
Анна ЧЕРНЫШЕВА	
Память металла.....	57
Надежда ДВОРЦОВА	
Долгая, долгая любовь	65
Сергей ЗАГНУХИН	
Три желаньица	67
Надежда ШИШКИНА	
Ветер и Лиза.....	69
Александр ФЕДОРОВ	
Домовой.....	74
Олеся ЛОГУНОВА	
Один день из жизни старого лешего.....	76
Сергей ТАРАКАНОВ	
Цена души, или Самоискушение гражданина Антонова.....	80
Виктор БУЛАНОВ	
Змей Петров	86

На первой странице обложки – рисунок «Отражение»
прекрасного писателя и очень интересного художника
Марии Фомальгаут (Челябинск)

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»